

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ. ИХ РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ

Материалы «Рабочего завтрака у Тосуняна»
26 июля 2025 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Данилов-Данильян Антон Викторович

кандидат экономических наук,
заместитель председателя «Деловой России»,
заместитель председателя Общественного
совета при Министерстве промышленности
и торговли РФ, председатель Экспертного совета
Фонда развития промышленности

Шаталов Сергей Иванович

кандидат экономических наук,
член консультативного комитета
высокого уровня независимого аудиторского
департамента при совете исполнительных директоров
Нового банка развития

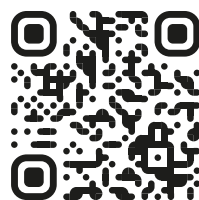
Доржиева Валентина Васильевна

кандидат экономических наук,
заведующий центром инновационной
экономики и промышленной политики,
ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН

Логинов Игорь Эдуардович

заместитель директора департамента
по работе с органами государственной власти
и общественными организациями
Ассоциации российских банков

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДнП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Институты развития Их роль в экономике

Материалы заседания 26 июля 2025 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2026

УДК [330.34:338.45](470+571)(063)

ББК 65.305(2Рос)-551я431

И71

Институты развития. Их роль в экономике : материалы заседания 26 июля 2025 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 181 с. – ISBN 978-5-6056500-4-1

В сборнике на примере Фонда развития промышленности рассматриваются общие черты, принципы работы и проблемы российских институтов развития как эффективного инструмента модернизации экономики и ее инновационного развития, а также анализируются практики международных банков развития.

Среди ключевых вопросов, поднятых докладчиками и участниками дискуссии, – подходы к оценке результативности работы институтов на федеральном и региональном уровнях и повышение их эффективности.

УДК [330.34:338.45](470+571)(063)

ББК 65.305(2Рос)-551я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6056500-4-1

© Тосунян Г.А., составление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально- экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	6
Справка	9

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

акад. ТОСУНЯН Г.А.	12

Доклад 1 к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	22

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ И ИХ РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ НА ПРИМЕРЕ ФОНДА РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

КУРОЧКИН Д.Н.	46

д. филос. н. СОРИНА Г.В. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	49

д. э. н. КРИВОВ В.Д. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	51

ЛОГИНОВ И.Э. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	53

акад. МАЕВСКИЙ В.И. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	57

акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	59

проф. КУИМОВ В.В. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	64

чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	66

к. э. н. СКРЫПНИК Д.В. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	69

МОСКОВКИН Л.И. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	71

д. п. н. СЕРГЕЕВ С.Ф. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	73
к. э. н. СТОЛЯРОВ А.И. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	78
Доклад 2 к. э. н. ШАТАЛОВ С.И.	80
ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ БАНКОВ РАЗВИТИЯ	
акад. ИВАНОВА Н.И. – к. э. н. ШАТАЛОВ С.И.	96
акад. ТОСУНЯН Г.А. – к. э. н. ШАТАЛОВ С.И.	98
ЛОГИНОВ И.Э. – к. э. н. ШАТАЛОВ С.И.	101
ЦЫКОРИН Н.Н. – к. э. н. ШАТАЛОВ С.И.	103
СЕМЕНИХИН В.А. – к. э. н. ШАТАЛОВ С.И.	105
Доклад 3 к. э. н. ДОРЖИЕВА В.В.	107
РОЛЬ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	
Доклад 4 ЛОГИНОВ И.Э.	118
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ И ПРИНЦИПАХ ИХ РАБОТЫ	
д. т. н. БОРТНИК И.М.	125
к. э. н. СЕМЕНЯКА А.Н.	131
к. филос. н. <u>КРЖЕВОВ В.С.</u>	137
к. г. н. АКСЕНОВ Г.П.	139
д. филос. н., проф. СОРИНА Г.В.	143
к. филос. н. ЯРОСЛАВЦЕВА Е.А.	145

акад. АГАНБЕГЯН А.Г. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	150
МОСКОВКИН Л.И.	158
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА	
к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.	160
к. э. н. ШАТАЛОВ С.И.	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
акад. ГУСЕЙНОВ А.А.	165
акад. ТОСУНЯН Г.А.	168
Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН РАН, НИИ ДДиП и «Открытых дискуссий» президента АРБ	173

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руководитель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра перспективных исследований национальной безопасности России Экспертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоциации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального исследовательского института Доверия, Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии наук Армении (НАН РА), иностранный член РАН, д. социол. н., научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

академик, д. ю. н., директор Института государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЬМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о **НКС ООН РАН** (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о **НИИ ДДиП** (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о **«Рабочем завтраке у Тосуняна»**,
- о проекте **«Открытые дискуссии президента АРБ»**
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились. Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих

завтраках», и на заседаниях института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 154 «Рабочих завтрака у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более человек, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 13 лет состоялось 95 дискуссий.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Доброе утро, коллеги!

Приветствую всех на нашем совместном заседании Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества и Института Доверия, Достоинства и Права, которое проходит при поддержке Ассоциации российских банков.

Для участия зарегистрировалось больше 160 человек: банкиры, эксперты, государственные и общественные деятели. Более 30 из них – представители науки и вузов. И более 15 членов Академии наук.

Тема заседания – «Институты развития и их роль в экономике».

Рынок, при всей своей эффективности, часто не способен самостоятельно решить любые крупные, масштабные задачи в рамках всей экономики.

Может быть, это и не входит в его прямые функции. И для этого, в ряде случаев, необходимо взаимодействие с государством.

Какие задачи имеются в виду?

- инфраструктурная модернизация;
- поддержка предпринимательства, частной инициативы;
- обеспечение экспортно-импортных операций;
- реализация стратегий развития отраслей экономики;
- и другие масштабные общегосударственные задачи.

То есть здесь нельзя отделять рынок от государства. Эти проблемы должны решаться в едином альянсе.

Для решения подобных задач во многих странах действуют специальные организации – институты развития.

Они создаются с разными наименованиями, в зависимости от своего профиля.

Например, существуют фонды содействия предпринимательству, инновационные фонды, фонды поддержки отраслей экономики, экспортно-импортные банки и так далее.

Институты развития учреждаются государством или при его весомом участии.

Инициатива может исходить и от других участников рынка, но при участии государства. Такие институты создаются для решения стратегических задач, которые не могут быть эффективно реализованы исключительно рыночными механизмами.

То есть это особые квазигосударственные структуры.

С учетом государственного финансирования особенно острым является вопрос об эффективном использовании бюджетных средств. Требуется максимальная отдача в каждом конкретном направлении.

Как оценить эффективность работы институтов развития?

Изначальная их цель – не получение прибыли, а достижение долгосрочных, стратегических, общественно значимых результатов.

Как оценить успешность, если критерии не сводятся к коммерческой прибыли?

Не секрет, что для коммерческих структур важнейшим и очень однозначным показателем является прибыль.

В случае с институтами развития система посложнее. Какая шкала оценок здесь должна быть применима?

И всегда ли возможно количественно измерить результаты такой деятельности?

Один из важнейших вопросов для институтов развития – это целеполагание, формулировка конкретных задач и результатов.

На мой взгляд, в этом вопросе высок риск подмены понятий, подмены целей.

К сожалению, некоторые институты развития со временем превращаются в «вечно живущие» бюрократические машины.

Сохранение бюджета организации становится важнее изначальной миссии, потому что руководители где-то перестраховывают себя.

И этот институт, в принципе, позволяет неплохо существовать руководящему аппарату.

Получается что-то вроде «движения ради движения».

Никакой реальной ценности в некоторых случаях не создается, а просто перераспределяются ресурсы. Причем даже это делается не самым эффективным образом.

Например, многие задают вопрос, какие прорывные проекты реализовал Роснано?

Возможно, корпорацию часто критикуют не очень компетентные аналитики, но с момента создания государство потратило на Роснано, по разным оценкам, около 400 млрд руб.

В прошлом году Роснано оказалось на грани банкротства из-за огромной финансовой дыры. А каких-то выдающихся фундаментальных результатов, кроме этой финансовой дыры, никто пока не назвал.

То есть при колоссальных бюджетных затратах государство получило в итоге убыточную структуру на грани дефолта.

С другой стороны, есть позитивные примеры. Созданное в 1997 году Агентство по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК) сыграло ключевую роль в развитии ипотечного рынка в нашей стране.

Была сформирована двухуровневая модель кредитования, когда банки выдают ипотечные кредиты, а АИЖК финансирует их, обеспечивая ликвидность.

Объем выданных ипотечных кредитов вырос с 56 млрд руб. в 2005 году до 1,15 трлн руб. в 2015 году.

Для понимания объемов, за прошлый год банки выдали 5 трлн руб. ипотеки. Динамика довольно серьезная.

Фактически в то время была обеспечена доступность ипотечных кредитов по всей территории России.

Разработаны стандарты ипотечного кредитования. Это снизило риски для банков и для заемщиков. Был создан институт рефинансирования ипотеки.

К 2014 году рефинансировано 111 тысяч кредитов на сумму 80 млрд руб.

Во многом благодаря именно АИЖК, его поддержке банков и рефинансированию проблемной задолженности удалось преодолеть последствия кризиса на рынке недвижимости в 2008–2009 годах.

Знаю это не понаслышке. Достаточно длительное время я был членом совета директоров АИЖК. И у нас

сегодня присутствует руководитель АИЖК с 2002 по 2015 год Александр Николаевич Семеняка.

Хочу отметить его решающий вклад в деятельность агентства и формирование рынка ипотечного кредитования в нашей стране. Это социально важный сегмент кредитования, который влияет и на демографию, и на уровень жизни людей.

Еще один более ранний, но очень яркий пример – созданный в 1994 году Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

Любопытно, что фонд известен до сих пор как «Фонд Бортника», хотя Иван Михайлович Бортник его уже не возглавляет многие годы, но его вклад был настолько велик, что фонд сохраняет свою известность по фамилии основателя.

Иван Михайлович сегодня принимает участие в нашем заседании. Это один из самых авторитетных экспертов в инновационной сфере нашей страны.

Ивану Михайловичу в 90-е годы, в сложнейшее время, удалось создать организацию, которая уже более 30 лет поддерживает инновационные проекты.

Такая деятельность имеет большое значение в масштабах страны, поскольку это и развитие конкурентоспособного рынка инновационных разработок, и формирование механизмов частно-государственного партнерства в сфере науки.

За время работы фонда было поддержано более 20 тысяч инновационных проектов.

По данным Счетной палаты, каждый бюджетный рубль, вложенный в проекты фонда, приносит более трех рублей инновационной продукции. То есть проекты фонда генерируют значительный экономический эффект по сей день.

Этим цифрам можно доверять. Счетная палата не стала бы приукрашивать. Наоборот, она любит больше критиковать и находить изъяны.

Как видим, возможности институтов развития в целом достаточно обширны. И конечно, радостно, когда они грамотно используются.

Основные среди них – финансовые:

- льготное кредитование;
- гарантии по кредитам, то есть покрытие рисков для банков;
- рефинансирование кредитных портфелей, направленное на поддержку секторов экономики в кризисное время;
- долевое участие, например, прямые инвестиции в акции компании.

Есть и нефинансовые инструменты:

- экспертиза проектов, консалтинг, обучение;
- создание платформ кооперации бизнеса, науки, власти;
- управление особыми экономическими зонами, индустриальными парками.

То есть существует разнообразие институтов поддержки.

Но надо сказать и об обратной стороне медали.

Вместе с преимуществами институты развития часто приносят на рынок и риски, создавая некоторые диспропорции.

Это может в какой-то степени подавлять здоровую конкуренцию.

Пример – банк «ДОМ.РФ», входящий в единый институт развития в жилищной сфере АО «ДОМ.РФ» – го-

сударственную организацию, которая является преемником АИЖК.

Банк «ДОМ.РФ» занимает 4-е место в России по объемам ипотечного кредитования, не в последнюю очередь за счет своего уникального положения. 100% акций банка находится у государства в лице Росимущества через фактически госкомпанию – АО «ДОМ.РФ».

Банк «ДОМ.РФ» можно назвать первым среди равных в сфере жилищного кредитования.

Он обладает рядом преференций и активно влияет на рынок, в частности:

- получает значительные бюджетные средства для реализации госпрограмм;
- через него проходят льготные кредиты, которые формируют до 40–50% всего ипотечного рынка;
- коммерческие банки часто зависят от его решений, так как участвуют в госпрограммах, которые курирует «ДОМ.РФ».

Возникает вопрос: а должен ли институт развития конкурировать с участниками рынка?

Почему нельзя заниматься развитием ипотечного кредитования через существующие коммерческие банки, а не напрямую конкурировать с ними?

Почему надо искусственно сдерживать расширение участников за счет рыночных банков в соответствующих программах кредитования, когда было бы разумно как раз расширять, диверсифицировать, привлекать рыночные банки в эти программы?

Роль института развития не в том, чтобы забирать самые лакомые куски рынка.

Его роль в первую очередь должна быть:

- в вовлечении участников, а не в конкуренции с ними;
- в формировании и поддержке новых сегментов рынка;
- в совершенствовании технологии работы в отрасли в целом.

Я приводил в качестве примера АИЖК и Фонд Бортника. Они как раз реализовали эту схему, поэтому достигли потрясающих результатов.

Увы, в последние полтора десятка лет количество банков сильно сократилось.

Но все же более 300 банков работает. И если не все, то существенная их часть готова работать с ипотекой, в том числе по госпрограммам.

Из этого частного примера вытекают общие вопросы.

Как найти баланс между рыночными механизмами и государственным вмешательством?

Как найти баланс между государственной поддержкой и развитием конкуренции?

Чрезмерное вмешательство институтов развития в экономику может исказить рыночные механизмы, создавать экономику привилегий, тем самым снижая конкуренцию.

Как в этом случае минимизировать риск неэффективного использования средств, бюрократии, кибератаки и, конечно же, коррупции?

Необходимо найти ответы на эти непростые вопросы, в том числе в рамках нашего сегодняшнего обсуждения.

Перед нами уже довольно обширный опыт российских институтов развития, поэтому накоплено вполне определенное содержание для дискуссии.

Озвучу ряд тем для обсуждения:

- Каковы российские и международные практики институтов развития?

- Каковы подходы к оценке эффективности их деятельности?

- Каковы общие черты и принципы работы институтов развития?

- Могут ли они конкурировать с рыночными участниками?

- Насколько эффективны российские институты развития?

- Что можно сделать для повышения их эффективности?

Перейдем к повестке дня сегодняшнего заседания.

«Институты развития и их роль в экономике на примере Фонда развития промышленности»

Докладчик – Данилов-Данильян Антон Викторович, кандидат экономических наук, заместитель председателя «Деловой России», заместитель председателя общественного совета Минпромторга РФ, председатель экспертного совета Фонда развития промышленности.

«Практика международных банков развития»

Докладчик – Шаталов Сергей Иванович, кандидат экономических наук, член консультативного комитета высшего уровня независимого аудиторского департамента при совете исполнительных директоров Нового банка развития.

«Роль финансовых институтов развития в решении задач структурной модернизации и инновационного развития российской экономики»

Докладчик – Доржиева Валентина Васильевна, кандидат экономических наук, заведующий центром инновационной экономики и промышленной политики, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Дополнительно выступают:

«О некоторых проблемах деятельности институтов развития и принципах их работы»

Логинов Игорь Эдуардович, заместитель директора департамента по работе с органами государственной власти и общественными организациями Ассоциации российских банков.

Если нет замечаний и возражений, перейдем к повестке дня.

Пожалуйста, Антон Викторович, приветствуем Вас.

ДОКЛАД 1

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.

к. э. н., заместитель председателя «Деловой России», заместитель председателя общественного совета при Министерстве промышленности и торговли РФ, председатель экспертного совета Фонда развития промышленности

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ И ИХ РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ НА ПРИМЕРЕ ФОНДА РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Доброе утро, глубокоуважаемый Гарегин Ашотович, коллеги!

Прежде всего следует отметить, что государственные институты развития – это инструмент именно промышленной политики, которую мы отделяем от макроэкономической политики.

Макроэкономическая политика – это государственная политика, целью которой является поддержка роста и стабильного функционирования всей экономики, предотвращение экономических кризисов, ограничение уровня безработицы и инфляции.

В отличие от нее, промышленная (или проектная) политика – это государственная политика, целью которой является обеспечение промышленно-технологического развития страны в соответствии со стратегическими и текущими приоритетами.

Исходя из этих определений становятся очевидными и методы их проведения.

Макроэкономическая политика – это фактически косвенное воздействие государства на рыночных субъектов путем создания равных условий для их функционирования и развития через законы и агрегированные

показатели (налоговые ставки, резервные требования, валютный курс и так далее).

Промышленная политика – это комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер прямого воздействия государства на рыночных субъектов, предполагающих непосредственное его участие (прямое вмешательство) путем поддержки реализации конкретных инвестиционных проектов.

Хочу еще раз подчеркнуть: одно дело – создавать условия.

Это макроэкономическая политика.

Другое дело – реализовывать комплекс активных (не реактивных, а именно активных) действий.

Это метод промышленной политики.

Фактически это прямое вмешательство в хозяйственную жизнь, чтобы реализовать те или иные промышленные и иные проекты.

Потому что в конечном счете все государственные институты развития, иные инструменты промышленной политики связаны с реализацией проектов.

Они могут быть, как Вы, Гарегин Ашотович, совершенно справедливо сказали, не только в промышленности, не только в экономике.

Это могут быть и социальные проекты, самые разные. Но в любом случае это проекты.

Для того чтобы прямое вмешательство было законным, необходимо его оформлять соответствующими документами.

Желательно – именно федеральными законами.

Ибо прямое вмешательство промышленной политики государства в рыночную экономику часто создает преимущества у одних и убытки у других, то есть

ограничивает права и свободы (Конституция России, статья 55, пункт 3).

А это допускается только федеральными законами.

Ведь закон – это набор норм, обязательных к исполнению. Когда есть закон, тогда все участники хозяйственных отношений вынуждены терпеть соответствующее вмешательство.

В противном случае нет никаких оснований для того, чтобы оно было реализовано.

Закон «О промышленной политике в РФ» № 488-ФЗ появился у нас в конце 2014 года.

И он действует уже 10 лет.

До этого фактически никакой специальной промышленной политики у нас не было.

Делались попытки, в том числе путем принятия отраслевых законов, но все разрозненно. Закон № 488-ФЗ – попытка не самая идеальная.

То, что за рубежом называют industrial policy, у нас не получилось.

У нас закон получился именно под Минпромторг.

А industrial policy в современном западном понимании – это гораздо более широкая история, и она относится к самым разным отраслям, отнюдь не только промышленным.

В том числе – к проектам в социальной сфере и так далее.

Принятый закон № 488-ФЗ не проводил предлагавшегося нами жесткого разделения на промышленную и макроэкономическую политику.

Поэтому там много всяких смешений.

Но в чем его заслуга – он сделал попытку на законодательном уровне закрепить возможность создания институтов развития хотя бы в промышленности.

И там перечисляются индустриальные парки, промышленные технопарки, кластеры.

Очень важный элемент – специвестконтракты (СПИКи) и государственные фонды развития промышленности.

Если мы обратимся к западному опыту и развитой на его основе экономической теории, то увидим, что на самом деле видов государственных институтов развития (ГИР) – гигантское количество.

Я выбрал пять базовых направлений, по которым их можно разделять.

1. По организационно-правовой форме: ГИР без образования юридического лица или оформленные в виде организаций (фонды, агентства, акционерные общества, корпорации и иные организации).

2. По профилю: привязанные к регионам, имеющие отраслевую специализацию, универсальные.

3. По размеру клиентов: для работы с крупным бизнесом, для поддержки МСП, универсальные.

4. По типу финансирования: долговое, доленое и смешанное; возмездное и грантовое; процентное и беспроцентное; залоговое и беззалоговое; краткосрочное и долгосрочное и так далее.

5. По направлениям поддержки: инноваций, экспорта, импортозамещения, трансфера технологий, создания инфраструктуры, проектов развития и так далее.

Чем более точно мы привяжем каждый ГИР к этим характеристикам и тем самым дадим ему индивидуальное

определение, тем легче нам будет понимать, насколько эффективно или неэффективно он исполняет свои функции.

Можно, конечно, практиковать такой подход, что каждый институт развития настолько индивидуален, что ничего такого системного к нему применить нельзя, что под каждый нужно делать свое, совершенно отдельное законодательное решение и отдельную систему оценок.

Но все-таки мы постарались вышеописанным образом систематизировать сложившееся множество институтов развития.

Эта работа началась больше десяти лет назад, как раз вместе с принятием закона о промышленной политике № 488-ФЗ и последующим реформированием Российского фонда технологического развития в Фонд развития промышленности.

Она велась в рамках Торгово-промышленной палаты. Я тогда возглавлял там комитет по инвестиционной политике, и мы решили посмотреть, что у нас есть в поле государственных институтов развития.

Мы сразу сделали первый шаг в систематизации – отделили институты без образования юридического лица от организаций.

К первым отнесли примерно восемь типов государственных институтов развития, которые фактически не имеют своего юридического лица и реализуют свою функцию посредством деятельности министерств.

Чаще всего это Минпромторг, но бывают и другие отраслевые министерства и государственные органы, в рамках которых происходят соответствующие действия.

Например, Центральный банк и его знаменитая «Программа 6,5%» для малого бизнеса, которая действовала во время эпидемии ковида и сразу после нее и которая реализовывалась посредством Центрального банка, но через коммерческих операторов.

Требовал ли этот институт какого-то отдельного юридического лица помимо уже существующих органов власти, в данном случае Банка России?

Нет, конечно.

Но факт остается фактом: это именно институт развития в научном понимании этого слова, хотя и без образования юридического лица.

Итак, к государственным институтам развития без образования юридического лица были отнесены:

1. Национальные и федеральные проекты и государственные программы (бюджетное финансирование развития промышленности, науки, сельского хозяйства и так далее).

2. Специальные постановления правительства РФ (например, по субсидированию процентных ставок и другие).

3. Специализированные государственные закупки (например, в Росрезерв).

4. Специальные программы Банка России (6,5% для МСП, по проектному финансированию и иные).

5. Концессии и проекты государственно-частного партнерства.

6. Корпоративные программы повышения конкурентоспособности – КППК (обязательства по экспорту в обмен на государственную поддержку).

7. Специальные инвестиционные контракты – СПИКи (версии 1.0 и 2.0).

8. Соглашения о защите и поощрении капиталовложений – СЗПК (универсализация «дедушкиной оговорки»).

Те же самые СПИКи, например, что это такое?

Это соглашение трех сторон: заявителя, соответствующего министерства федерального уровня (в лице, например, Минпромторга России) и регионального уровня в лице администрации субъекта Российской Федерации.

Две государственные стороны дают налоговые льготы в рамках собственной компетенции.

Естественно, Минпромторг действует строго по согласованию с Минфином России.

Заявитель обещает взамен достижение определенных показателей своего проекта.

Проекты в рамках СПИКов – обычно крупные, с конкретным просчитываемым экономическим эффектом.

Соответственно, можно почти однозначно спрогнозировать, что деньги, которые государство недополучило из-за налоговых льгот по СПИКу, реально превратились в другие деньги – в доходы от реализации проекта.

И налоговая база в конечном счете только выросла.

Нужен здесь какой-то специальный институт как юрлицо?

Нет.

Этот институт развития – это как раз набор таких соглашений – специнвестконтрактов.

Вторая группа государственных институтов развития – это юридические лица.

Мы разделили их на несколько блоков.

Каждый блок меняется по составу включенных институтов: какие-то сливаются, какие-то создаются, некоторые ликвидируются.

За 10 лет произошли существенные изменения почти в каждом блоке.

Уверен, что состав и дальше будет правиться, подстраиваясь под текущие задачи и приоритеты промышленной политики.

Итак, первый блок – поддержка инноваций:

1. Фонд содействия инновациям (Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере), он же – Фонд Бортника.

2. Российская венчурная компания, переданная в управление РФПИ.

3. АНО «Платформа НТИ» (Фонд поддержки проектов НТИ и Фонд суверенных технологий).

4. АО «Роснано».

5. Фонд инфраструктурных и образовательных программ (группа «Роснано»).

6. Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд «Сколково»).

7. Российский научный фонд.

8. Российский фонд фундаментальных исследований и присоединенный к нему Российский гуманитарный научный фонд.

9. Агентство по технологическому развитию.

10. Платформа «Рынок инноваций и инвестиций» Московской биржи.

11. Российский фонд развития информационных технологий.

12. АНО «Инновационный инжиниринговый центр» («Центр поддержки инжиниринга и инноваций»), он же – Иннопрактика.

13. АО «Модернизация Инновации Развитие».

Условно возглавляет первый блок мой любимый Фонд содействия инновациям. Глубокий, низкий поклон Ивану Михайловичу Бортнику за великолепную многолетнюю работу на разных позициях в этом фонде.

Я обожаю те институты развития, которые работают как конвейеры, как часы.

Потому что бизнесу всегда нужна стабильность.

И если ты обращаешься в институт развития и заранее четко понимаешь, по каким правилам он работает, причем на постоянной основе, что у него есть необходимые ресурсы и так далее, то ты более смело принимаешь соответствующие решения.

В первом блоке у меня получилось 13 государственных институтов развития.

Эти институты можно условно назвать «универсальными»: все они федерального уровня, работают с разными типами заявителей из разных регионов и отраслей.

Эффективность их деятельности во многом зависит от того, как организована работа самого института.

Если сильному лидеру института нужно как-то реализовывать массу других интересов помимо того, ради чего существует институт, то правила должны быть такими, чтобы он не смог этого сделать.

Если таких жестких правил нет, если институт фактически сам устанавливает правила и государство на это смотрит сквозь пальцы, то риски чудовищно возрастают.

Мы это видели на примере Роснано.

В частности, сделали несколько «контрольных закупок» около 8 лет назад.

Разобрались, с какими рисками работает Роснано.

Официально предупредили и Роснано, и правительство РФ о том, чего мы ожидаем.

И, к большому сожалению, оказались правы.

В таких случаях не люблю оказываться правым, но Торгово-промышленная палата тогда осуществила очень важное действие.

Мы пошли на этот определенный риск и рассказали, к чему все может привести.

Теперь второй блок. Он связан с прямой поддержкой развития по отраслевому признаку.

1. Российский фонд технологического развития (РФТР), он же – Фонд развития промышленности (ФРП), включая Государственную информационную систему промышленности (ГИСП).

2. Центр управления проектами в промышленности (ЦУПП), включая оценку проектов для «ТехНет» НТИ.

3. ФГУП «Центр развития базовых отраслей промышленности» (ЦРП).

4. «ДОМ.РФ» (ранее – Агентство по ипотечному жилищному кредитованию, АИЖК):

- Федеральный фонд содействия развитию жилищного строительства (присоединен);

- ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ» (присоединен);

- Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства;

- Банк «ДОМ.РФ» (ранее – «Российский капитал»).

5. Фонд перспективных исследований (для проектов в ОПК).

6. Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий (Росинфокоминвест).

7. Фонд развития Интернет-инициатив (ФРИИ).

8. Фонд поддержки социальных проектов (в том числе для социального предпринимательства).

9. Фонд развития отрасли беспилотников.

Я начал с Российского фонда технологического развития, который десять лет назад был переформатирован в Фонд развития промышленности (ФРП).

Туда еще «навесили» другие функции институтов развития, несвойственные напрямую тому, что было заложено с самого начала в мандате фонда.

Например, государственная информационная система промышленности, то есть набор данных о каждом предприятии, выпускающем промышленную продукцию.

ГИСП в ФРП, в частности, предоставляет возможности делать заказы промышленной продукции.

То есть это тоже некоторая цифровая платформа, правда, не работающая как нейросеть или маркетплейс.

Пока это только большая, хорошая информационная система, что-то типа института развития внутри другого – ФРП.

Перечисленные выше девять институтов развития – это не все институты отраслевого профиля.

Еще есть региональные институты с узкоотраслевой специализацией, созданные в некоторых субъектах РФ.

Эти же девять – основные, они действуют на всей территории страны, в том числе уже упомянутый АИЖК, который преобразовался в «ДОМ.РФ».

Хочу обратить ваше внимание на то, что между некоторыми институтами развития происходит активное взаимодействие, что малоизвестно, хотя очень важно.

Например, Центр развития базовых отраслей промышленности имеет информацию обо всех технологиях, обо всех видах оборудования, которое производится в Российской Федерации.

И если заявитель того же ФРП или какого-то другого института развития собирается реализовывать свой проект посредством закупки импортного оборудования, то ЦРП всегда может ему подсказать, где есть российские аналоги.

Причем и по качественному уровню, и по цене, в общем, вполне сопоставимые.

По опыту работы ФРП могу сказать, что эта деятельность довольно эффективна.

Как минимум в каждом пятом случае удавалось переориентировать заявителя на закупку – хотя бы частично – российского оборудования.

Третий блок – институты регионального развития:

1. АО «КАВКАЗ.РФ» (Курорты Северного Кавказа).
2. Корпорации развития отдельных субъектов РФ (в том числе поглотившие имущество ликвидированного АО «Особые экономические зоны»).
3. АО ОЭЗ «Иннополис».
4. УК инновационного НТЦ «Аэрокосмическая инновационная долина».
5. УК инновационного НТЦ «Балтийская долина – Хьюмантек».
6. УК инновационного НТЦ «Долина Менделеева».
7. УК инновационного НТЦ «Интеллектуальная электроника – Валдай».
8. УК инновационного НТЦ «Квантовая долина».
9. УК инновационного НТЦ «Композитная долина».
10. УК инновационного НТЦ МГУ «Воробьевы горы».
11. УК инновационного НТЦ «Парк атомных и медицинских технологий».
12. УК инновационного НТЦ «Русский».
13. УК инновационного НТЦ «Сириус».
14. Фонд «Московский инновационный кластер».

Есть институты развития, которые имеют строго региональные направления.

Это указанные в пункте 2 корпорации (агентства, фонды) развития отдельных регионов.

Практически в каждом из 89 субъектов РФ есть какое-нибудь агентство развития, фонд развития и так далее.

Иногда они совмещают сразу несколько функционалов отдельных федеральных институтов развития. Иногда полностью повторяют какой-нибудь федеральный институт типа ФРП.

Иногда соответствующие федеральным институтам организации вообще отсутствуют.

Но, так или иначе, практически в каждом регионе что-то из ГИР да имеется.

Все остальное, начиная с третьей позиции блока 3 – это больше инновационные истории, «долины», если их так можно назвать.

Они привязаны к конкретным регионам, поскольку в конечном счете это просто разновидность особых экономических зон.

Это управляющие компании инновационных научно-технологических центров.

Где-то у них есть отраслевая специфика, где-то – нет. Но тем не менее все это более-менее работает.

Другое дело, что, конечно, средств у них зачастую недостаточно.

И они требуют докапитализации.

Четвертый блок – «универсальный»:

1. Федеральная корпорация развития малого и среднего предпринимательства (Корпорация МСП) и входящий в ее группу «МСП Банк».

2. Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ).

3. Федеральный центр компетенций.

4. Российский экспортный центр (РЭЦ), в том числе:

- Экспортное агентство России (ЭКСАР);

- «Росэксимбанк».

В этом блоке нет ни отраслевой, ни региональной специфики.

Это в первую очередь, конечно, Корпорация МСП и входящий в ее структуру «МСП Банк».

То же самое можно сказать и об АСИ, которое занимается и бизнес-проектами, и социальными проектами, и кадровыми проектами, и поддержкой молодежных инициатив. В общем, различные темы обсуждаются.

Обратившийся в АСИ заявитель может получить определенную сертификацию своего проекта – условный штамп «Одобрено АСИ». С ним будет легче обращаться за помощью в реализации проекта в самые разные инстанции, как государственные, так и частные, в том числе в иные институты развития.

Пятый блок – «Группа ВЭБ»:

1. ГКР «ВЭБ.РФ» (ранее – «Внешэкономбанк»).
2. АО «ВЭБ Инфраструктура» («ИнфраВЭБ»), объединивший Федеральный центр проектного финансирования и «ВЭБ-Инжиниринг».
3. Фонд «ВЭБ-Инновации» (VEB Ventures) – оператор программы финансового содействия инновационным проектам фонда «Сколково».
4. Фонд развития моногородов (ликвидирован).
5. Фонд развития Дальнего Востока и Арктики (ликвидирован).
6. Корпорация развития Северного Кавказа (ликвидирована).
7. Российский фонд прямых инвестиций.

В последнее время группа подсократилась.

Уже достаточно давно выделился в независимый институт Российский фонд прямых инвестиций, ликвидированы отдельные региональные подразделения и юридические лица. Осталась базовая тройка.

Кроме того, «ВЭБ.РФ» получил дополнительный функционал. Фактически он вместе с профильными отраслевыми министерствами и ведомствами является вторым ключом для регулирования около трети институтов развития.

То есть он выступает условным координатором деятельности этих институтов развития. Про это расскажу немного позже.

Шестой блок – институты «саморазвития»:

1. ГК «Ростех» и ее дочерние и зависимые общества.
2. ГК «Росатом».
3. ГК «Роскосмос».
4. ГК «Автодор».
5. Росагролизинг.
6. Государственная транспортная лизинговая компания (ГТЛК).
7. Российский экологический оператор.

Дело в том, что перечисленные выше организации, госкорпорации при своем создании не предназначались для развития других компаний – обычных участников российского рынка.

Им не подают заявки.

У них есть собственный функционал, зачастую связанный напрямую с извлечением прибыли как главной цели.

То есть они являются, по сути, коммерческими организациями.

Но поскольку они очень большие, наделены серьезными ресурсами и управляются государством, то через них можно также проводить промышленную политику, реализуя те или иные приоритеты государственного развития.

А стало быть, эти институты также могут быть рассмотрены как институты развития.

Седьмой блок – «госбанки»:

1. «Сбербанк».
2. «ВТБ» и присоединенные банки («Почта Банк» и другие).
3. «Россельхозбанк».
4. «Промсвязьбанк».
5. Банки госкомпаний («Газпромбанк», «ВБРР», «Зенит» и другие).
6. Банки субъектов РФ («Алмазэргиэнбанк» и другие).
7. Банки, saniруемые ЦБ.

В целом их совокупная доля – более 80% банковского рынка РФ.

Плюс в их периметр входят лизинговые, страховые и прочие предоставляющие финансовые услуги дочерние общества и связанные компании, «экосистемы».

Через госбанки государство может реализовывать промышленную политику, опираясь на такой механизм, как наблюдательные советы, в состав которых входят не только независимые директора, но и представители государства.

Наблюдательные советы утверждают стратегии развития госбанков, в рамках которых могут быть учтены приоритеты промышленной политики.

Кроме того, очень часто эти банки являются банками-агентами при реализации отдельных поддерживаемых государством промышленных проектов.

Я говорю сейчас уже о промышленной политике (industrial policy), а не только об отдельных проектах в промышленности.

В тех случаях, когда нет юридического лица – института развития, эти банки могут условно выполнять эту роль.

Итак, зачем нужны государственные институты развития?

Я делаю базовые выводы, их всего пять.

1. Закрывать «провалы рынка», например, снимать трудности инвестиционного кредитования для проектов импортозамещения.

2. Реализовывать проекты «промышленной политики» с упором на рыночных участников – в партнерстве (например, с банками, у которых снижаются риски), но не в конкуренции с ними.

3. Помогать рыночным участникам осваивать ранее не освоенные ниши. Реально облегчать доступ компаниям к финансированию за счет низких ставок займов, бесплатных и беззалоговых грантов, более простых условий их получения и обеспечения.

4. Формировать специальные продукты для особых категорий бизнеса.

5. Брать на себя часть неэффективно выполняемых функций ФОИВ во взаимодействии с заявителями.

Здесь все важно, но самый главный вывод – первый. Институты должны закрывать «провалы рынка».

То есть институт развития надо создавать, когда государство понимает, что в какой-то сфере возникла нехватка или рыночных участников, или соответствующих объемов производства.

Это может быть связано с безопасностью (например, нельзя отрасль электроники оставить на откуп исключительно иностранным компаниям). Это может быть связано с устойчивым развитием, антимонопольной политикой – с чем угодно.

Но при этом рыночная сила, рыночные действия, рыночный механизм сам по себе, «свободная рука рынка», не способны закрыть соответствующий «провал».

Тогда государство должно подумать, что сделать для того, чтобы его закрыть.

И посредством юридического лица – института развития или без него, но реализовать некоторый проект по закрытию этого «провала».

Поскольку жизнь непрерывно меняется, «провалы» возникают то здесь, то там.

Иногда требуется быстрое его закрытие, потому что нет возможности ожидать перелива капитала из отрасли в отрасль.

Соответственно, возникают ситуации, когда реальный институт развития должен что-то сделать.

Как бизнесом воспринимается сложившаяся система государственных институтов развития?

Отмечу четыре важных вывода из опросов бизнеса, проводившихся ведущими деловыми объединениями:

- С государственными организациями опасно работать в условиях неадекватности действий некоторых контрольных органов.
- Многие государственные институты развития забюрократизированы, не имеют простой, понятной и прозрачной системы принятия решений и отчетности. С ними сложно работать.

- Пользователям не ясен функционал каждого института развития; заявителям трудно правильно подобрать нужный институт под свой проект и не хочется зря терять время на подготовку проекта.

- Реально каждый частный проект может последовательно претендовать на помощь от 2–3 государственных институтов развития, но некоторые заявители стали профессиональными просителями.

Бизнес изначально очень опасливо относился к институтам развития.

Предприниматели прекрасно знали про коррупцию, про многие другие негативные моменты деятельности государства в целом.

Деловые круги были убеждены, что институты развития полностью заражены всеми теми бюрократическими недостатками, которые относятся и к другим государственным органам.

А те из предпринимателей, кто освоился, превращались в профессиональных просителей, что тоже было негативно.

Из опыта работы бизнеса с государственными институтами развития можно отметить ряд недостатков в их взаимодействии с предпринимателями:

- не организованы обратная связь и системное взаимодействие институтов со своими референтными группами;

- качество сайтов институтов улучшается медленно, информации на них недостаточно, плохой PR;

- у большинства институтов нет соглашений с ведущими деловыми объединениями и даже с профильными отраслевыми союзами и ассоциациями;

- отбор проектов и принятие решений иногда сопровождается коррупционными проявлениями.

Поэтому бизнес, конечно, требовал обратной связи.

Мы хотели, чтобы слышали и воспринимали наши рекомендации по организации сайтов.

Мы требовали, чтобы каждый институт развития подписывал соглашения хоть с кем-нибудь из большой четверки ведущих деловых объединений (ТПП, РСПП, «Деловая Россия», «Опора России»).

И конечно, бизнес хотел отсутствия коррупционных проявлений, а для этого – максимально понятных правил принятия решений соответствующими институтами развития.

Какие недостатки выявляются при анализе взаимодействия государственных институтов развития друг с другом?

1. Отсутствие координации с другими институтами развития:

- нет единой базы данных заявителей;
- не налажена передача «эстафетной палочки» заявителей от института к институту по звеньям жизненного цикла предприятий.

2. Часто наблюдается непонимание зон ответственности другого института и его КПЭ.

3. Нестыковка инструментов разных институтов друг с другом.

4. Неполная отработка возможностей взаимодействия федеральных институтов развития с региональными институтами разных профилей.

В результате институты развития дублируют друг друга, очень часто не стыкуются друг с другом. И не используют региональные возможности.

Среди других проблем государственных институтов развития отмечу следующие:

1) многие из институтов отягощены ошибками прошлых лет и/или недокапитализированы;

2) в своей текущей деятельности институты не имеют права на ошибку, и лишь немногие из них имеют право на отказ заявителям – фаворитам «сильных мира сего»;

3) многие государственные институты развития по-прежнему не имеют качественной экспертизы;

4) отсутствует увязка их деятельности с иными видами господдержки (госпрограммами) и приоритетами;

5) операционная эффективность некоторых государственных институтов развития явно проигрывает зарубежным аналогам.

Как следует решать эти проблемы?

Скажу только, что мы определили примерно десять позиций, которые должны быть реализованы, чтобы преодолеть существующие проблемы.

В их числе следующие:

1. Происходит переподчинение всех институтов «главному» государственному институту развития – «ВЭБ.РФ».

2. Проводится оценка эффективности каждого института на основе КПЭ, нужных именно бизнесу.

3. Создаются региональные аналоги лучших федеральных институтов (например, таких как система региональных фондов развития промышленности, Национальная гарантийная система Корпорации МСП).

4. Выборочно докапитализируются некоторые государственные институты развития.

5. Создается система широкого информирования бизнеса о функционале всех институтов, формируется сеть обучающих и консультационных организаций (на базе системы «Мой бизнес» и подобных).

6. Создается единая база заявителей и принятых решений/отказов.

7. Обеспечивается единообразие в раскрытии информации на сайтах государственных институтов развития, делается анализ лучших практик.

8. Обеспечивается мониторинг реализации проектов и решения задач институтами.

9. Готовится сводный ежегодный отчет о результатах деятельности всех государственных институтов развития, включая их вклад в экономический рост.

10. В наблюдательные и экспертные органы управления государственных институтов развития вовлекаются независимые директора и представители объединений предпринимателей.

В первую очередь это единая система заявителей. Если вся совокупность будет понятна, то мы, во-первых, поймем, кто, как ласковое теля, двух маток сосет, то есть является профессиональным просителем.

Во-вторых, мы поймем, есть ли «эстафетная палочка».

Потому что институты развития, как я уже говорил, относятся к разным блокам.

И они могут вести заявителя от момента создания изобретения до момента превращения в крупную международную корпорацию с гигантскими оборотами.

И вся эта система должна работать в тех случаях, когда заявителю чисто рыночными механизмами не удастся реализовывать проекты.

А таких случаев очень много.

И чем более развиты чисто рыночные частные институты, содействующие росту бизнеса, чем меньше «провалов» рынка, тем меньше места для государственных институтов развития.

Это должно быть также железным правилом.

Например, мы у себя в Фонде развития промышленности ввели такое правило.

Если внутренняя норма доходности у проекта велика, если, даже несмотря на высокие процентные ставки по кредитам, проект может быть реализован без содействия ФРП, мы подобные проекты в последние годы стараемся не поддерживать.

Несмотря даже на то, что они полностью соответствуют всем стандартам ФРП и всем требованиям к проектам.

В заключение приведу статистику ФРП за все время работы с апреля 2015 года по 31 мая 2025 года:

- 8008 проектов поступило на рассмотрение – на 2950,4 млрд руб.;
- 2531 проект одобрен – на 977,0 млрд руб.;
- 1931 проект профинансирован – на 645,5 млрд руб.;
- 1042 действующих проекта – на 401,4 млрд руб.;
- по 864 проектам займы возвращены – на 239,5 млрд руб.;
- 25 проблемных займов – на 4,6 млрд руб. (1,14% от портфеля).

Отраслевое распределение проектов:

- машиностроение – 34%;
- металлургия – 15%;
- медбиофарма – 9%;
- химия – 7%;
- легкая промышленность – 7%;
- электрооборудование – 2%;
- электроника – 2% и другие отрасли.

При поддержке ФРП открыто 1015 новых производств в 72 регионах.

Отношение операционных расходов к активам под управлением – 0,08%.

Спасибо за внимание. Готов ответить на вопросы.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Антон Викторович.

Вопросы уже есть. Думаю, мы выслушаем вопросы, а после того как выступят другие докладчики, перейдем к обсуждению.

Пожалуйста, Дмитрий Курочкин.

КУРОЧКИН Д.Н.

вице-президент Торгово-промышленной палаты
Российской Федерации

Доброе утро, уважаемый Гарегин Ашотович, уважаемый Антон Викторович!

Хотел бы дополнить и более подробно рассказать о той работе, которую Антон Викторович проводил в системе ТПП.

В течение 15 лет он возглавлял у нас комитет.

За это время комитет ТПП РФ по инвестиционной политике добился важнейших результатов в части реализации инвестиционных промышленных проектов и взаимодействия с институтами развития.

Наш закон о промышленной политике появился в 2014 году.

Ровно за десять лет до того, в 2004 году, Евгений Максимович Примаков, в то время президент ТПП РФ, провозгласил необходимость промышленной политики, создания соответствующих институтов развития с упором именно на развитие регионов.

Но тогда эта идея не получила поддержки. Тем не менее ТПП и в тот период активно этим занималась.

В чем, я считаю, огромная заслуга Антона Викторовича?

Он предложил проект создания инвестопроводящей структуры на базе системы ТПП как раз с глубокой увязкой с работой институтов развития.

Прежде всего – с работой Фонда развития промышленности.

И сегодня эта связка работает очень эффективно.

Каждый проект, который рассматривается в фонде, проходит глубочайшую экспертизу во всей системе ТПП

на федеральном, региональном и даже муниципальном уровне.

Поскольку во всех субъектах РФ есть региональные палаты, экспертиза проходит на уровне отраслевых союзов, ассоциаций.

И естественно, прежде всего это финансовая экспертиза.

Почему это важно?

Потому что каждый проект получает максимально объективную оценку.

И в этом мы видим залог эффективности.

Сейчас мы эту работу развиваем.

И те структуры, которые были созданы в системе ТПП, позволяют эффективно взаимодействовать не только с Фондом развития промышленности, но и с фондом «Сколково».

Эту практику мы распространили на работу с промышленными кооперационными проектами в рамках ЕАЭС и уже получили первые хорошие результаты, передав проекты для льготного финансирования в ЕЭК.

Необходимо отметить и Фонд развития интернет-инициатив, где с момента его создания я являюсь членом экспертного совета.

Он меньше замечен широкой публике.

Тем не менее работа идет постоянно – и по акселераторам, и по стартапам.

И конечно же, Фонд Бортника, который сегодня уже упоминался.

Мы неоднократно проводили опросы предпринимателей на предмет того, какие из институтов развития являются наиболее необходимыми, важными и эффективными.

И неизменно получали ответы, где Фонд развития промышленности с большим отрывом стоял на первом месте.

Поясню, что я как член экспертного совета не имел прямого отношения к проведению опросов.

Они были максимально объективны.

Но это по-настоящему заслуженная оценка той работы, которая проводилась ФРП.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Сорина Галина Вениаминовна, прошу Вас.

СОРИНА Г.В.

д. филос. н., проф., профессор кафедры философии языка
и коммуникации философского факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова.

Сорина Г.В.: Большое спасибо, Гарегин Ашотович.

Уважаемый Антон Викторович, исходя из Вашего доклада полагаю, что мои вопросы законны.

Цитата из Вашего выступления: «...это институт в научном понимании этого слова».

И мне неясно, что же Вы понимаете под институтом.

Как отличить организацию, которая является институтом, от той, которая им не является?

Классификация, которую Вы проводите, очень специализированная.

Но как эта классификация связана с пониманием института как такового?

Если коротко, что же такое институт?

Спасибо.

Данилов-Данильян А.В.: Непростой вопрос.

Наверное, определение институтов развития сейчас отсутствует в законодательном поле.

Поэтому попробую ответить на основании устоявшейся практики и науки.

Институт развития – это специально созданная государством или естественным образом сформировавшаяся форма организации совместной деятельности людей (не обязательно в виде юридического лица), которая обеспечивает решение тех или иных задач промышленной политики в широком смысле этого термина.

Организация – это индивидуальная история, которая не подменяет собой в целом какого-то участка общественной жизни.

А институт – это как раз олицетворение целого участка, управляемое государством.

И то, что есть институты развития, что по подавляющему большинству позиций они не дублируют друг друга, а многие функции присущи только какому-то одному, и дает основание говорить, что они – институты развития, а не просто организации.

Все зависит от функций, которыми они наделяются.

Если институт развития привязан к какому-то месту, к какому-то региону, к какой-то отрасли, то, соответственно, в этой сфере он выполняет определенную функцию практически один.

Да, он может при этом чувствовать, что в соседней отрасли или на федеральном уровне (если это региональный институт развития) есть нечто похожее.

Но в данном регионе, с локализацией здесь, он – единственный. Вот это и отличает организацию от института.

Есть институты, как я уже говорил, с юрлицом или без юрлица. Если с юрлицом, они являются организациями, но в то же время именно институтами.

Это такое, может быть, немножко сумбурное пояснение, сходу.

Но поймите, я все-таки не философ, мне тут немного сложно.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Виктор Дмитриевич Кривов.

д. э. н. КРИВОВ В.Д. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.

КРИВОВ В.Д.

д. э. н., заведующий кафедрой статистики экономического факультета и заведующий кафедрой социологии и менеджмента общественных процессов Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова

Кривов В.Д.: Спасибо большое, уважаемый Гарегин Ашотович.

Спасибо, уважаемый Антон Викторович, за такой мощный доклад.

Очевидно, что Фонд развития промышленности действует очень эффективно.

У меня несколько вопросов.

Что сейчас является ограничителем для деятельности Фонда развития промышленности?

Объем финансирования из бюджета?

И тогда какой объем был бы оптимальным?

Или есть еще какие-то ограничители, требующие устранения?

Спасибо.

Данилов-Данильян А.В.: Спасибо.

Фонд развития промышленности в последние годы превратился в конвейер.

И его эффективность действительно чрезвычайно высока.

Среди одобренных проектов у нас практически не бывает проблемных.

Доля «проблемки» – 1,14% от общего портфеля, который составляет более 400 млрд руб.

Это прекрасный результат.

Можете сравнить с деятельностью других, в том числе коммерческих организаций.

Не хватает финансирования, это абсолютно точно.

Мы сейчас вынужденно «заваливаем» хорошие проекты, которые не суперприоритетны, хотя полностью соответствуют всем стандартам фонда.

Они нередко малоприбыльны, из-за этого у них мало шансов получить кредит в банке.

Но и мы им не можем помочь, потому что они не подходят под новые, зауженные приоритеты ФРП.

Скоро стандарты будут скорректированы, и подобные проекты уже не смогут попадать на рассмотрение экспертного совета фонда.

Наш институт развития как раз в первую очередь занимается малоприбыльными проектами.

Но увы, из-за нехватки денег мы их тормозим гораздо более жестко, чем ранее.

Для примера, по статистике, раньше мы «заваливали» прошедший через очень жесткое сито один проект из примерно восьми-деяти.

Сейчас – один проект уже где-то из четырех.

То есть раза в два сито стало более жестким, мелкоячеистым.

Спасибо.

ЛОГИНОВ И.Э.

заместитель директора департамента по работе с органами государственной власти и общественными организациями Ассоциации российских банков

Логинов И.Э.: Спасибо большое, Антон Викторович, за Ваш очень интересный доклад.

У меня два вопроса.

Первый касается взаимодействия ФРП с контрольно-надзорными органами.

Четыре года назад на «Рабочем завтраке» у нас выступал генеральный директор ФРП Роман Петруца.

Он рассказывал, что в задании, которое он подписывает на год, присутствует условие о том, что ФРП не должен иметь потерь денег.

И, подписывая такой документ, он осознает, что это нереально, что это бизнес-проект, и он как директор ФРП всегда берет на себя невыполнимые обязательства.

Как сегодня контрольно-надзорные органы относятся к проблемным проектам, которые реализует ФРП?

Данилов-Данильян А.В.: Есть право на ошибку, и есть право на отказ.

Можно сказать, что очень повезло тому институту развития, который получает возможность жестко отказывать, то есть может реализовать право на отказ.

Чаще всего это происходит тогда, когда куратор ответствующего института договаривается с первым лицом государства, чтобы кто бы ни звонил по поводу того или иного проекта, идущего через институт, институт уверенно мог ему отказать.

Есть институты развития, которые получили право на отказ, и ФРП – один из них.

Второе – это право на ошибку.

Когда ты принимаешь положительное решение, проект одобрен, но всегда есть риск, что что-то пойдет не так.

Сейчас у ФРП, повторяю, 1,14% проблемных проектов в общем портфеле активов, а когда-то было 4,5%.

То есть мы улучшаем качество работы.

А иные институты «висят» на очень плохих параметрах своей деятельности.

То же упомянутое Роснано и многие другие, которые приходится докапитализировать.

Причем серьезно докапитализируют не из-за того, что не хватает денег на хорошие проекты, а для того, чтобы покрывать убытки.

История, связанная с правом на ошибку, является головной болью абсолютно для всех институтов развития.

И действительно, директора соответствующих институтов ходят по тонкой грани, ибо сейчас возвратность выданных заемщикам средств строго обязательна в полном объеме.

Мы неоднократно пытались законодательным путем несколько смягчить это правило для тех институтов, которые выдают средства в режиме возвратности (не важно, на основе платности или бесплатности займов).

Пока безуспешно.

В сегодняшнем докладе я привел разделение институтов развития на группы, по типам.

Так вот, для всех институтов, выдающих займы, необходимо законодательно установить право на ошибку.

Но тут же возникает вопрос: какую планку устанавливать?

Два процента, пять процентов, десять процентов проблемных займов от общего портфеля активов – сколько именно?

Пока все увязли в этой дискуссии, решения не нашли.

Логинов И.Э.: Второй вопрос связан, наверное, с комментарием Дмитрия Николаевича.

Я так понимаю, что на какой-то стадии работы ФРП проводится финансово-экономическая оценка проекта.

Хотел бы узнать Ваше мнение.

В сегодняшних условиях насколько вообще финансово-экономическая оценка проекта разумна?

Потому что мне кажется, что с учетом всех тех пертурбаций, которые мы наблюдаем, наверное, точность крайне низкая.

Или я ошибаюсь?

Данилов-Данильян А.В.: Ошибаетесь.

Во-первых, какие бы пертурбации ни были, опытный человек, умеющий оценивать инвестиционные проекты, видит степень устойчивости этого проекта к внешним воздействиям.

Есть коэффициент эластичности и по цене, и с точки зрения валютного курса, и по объемам, и по входящему сырью.

И много-много-много других показателей.

Соответственно, если проект устойчив к этим воздействиям, то что бы там ни происходило, он все равно будет реализован.

Кроме того, мы смотрим и на команды.

Когда нам не нравится проект, мы обязательно даем право представителям команды заявителя защитить этот проект на нашем заседании.

И опытный эксперт видит, способна соответствующая команда реализовать проект даже при существенных негативных внешних воздействиях или нет.

Зачастую это никак нельзя превратить в какие-то цифры, какие-то количественные характеристики.

Это действительно зависит от профессионализма эксперта.

Но это отдельная тема – о принятии решений в оценке инвестиционного проекта.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Академик Маевский.

Владимир Иванович, пожалуйста.

акад. МАЕВСКИЙ В.И. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.

МАЕВСКИЙ В.И.

акад., д. э. н., заведующий центром институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН

Маевский В.И.: Большое спасибо, Антон Викторович, за интересный доклад.

Вопрос такой.

Меняется ключевая ставка, сейчас она 18%. Может быть, когда-нибудь она дойдет и до 8%.

Каким образом изменение ключевой ставки влияет на политику Фонда развития промышленности, вообще государственных фондов?

Как вы связаны с политикой Центрального банка, как на нее реагируете?

Спасибо.

Данилов-Данильян А.В.: Чем выше ставка, тем больше заявок, это совершенно очевидно.

Компании не могут найти одобрения в банках. Для них все это слишком дорого.

Они идут за дешевыми средствами института развития.

Связь однозначная.

Чем выше ставка, тем, условно, больше «провалы» рынка.

Нужные для государства приоритетные проекты не могут найти ресурсы на свободном рынке. Государство другим способом вынуждено подставлять плечо.

Есть риск, что, подставляя таким образом плечо, государство другой рукой ухудшает историю, связанную с эффективной реализацией денежно-кредитной политики.

То есть ЦБ бьется за то, чтобы денег стало меньше.

А отраслевые министерства, ведомства, которые курируют соответствующий институт развития, наоборот, бьются за то, чтобы – особенно в нынешних условиях – было побольше денег на поддержку тех или иных проектов.

Все упирается в бюджет и дефицит бюджета.

Все в конечном счете балансируется.

И в любом случае те деньги, которые проходят через государственные институты развития, в разы меньше денег свободного рынка.

Поэтому очень сильного влияния на денежно-кредитную политику, по крайней мере в нынешних своих объемах, они не оказывают.

Спасибо.

акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад. РАН, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Эконометрического общества, почетный президент Новой экономической ассоциации

Полтерович В.М.: Спасибо за интересный доклад.
У меня два вопроса.

Первый носит методологический характер.

Не могли бы Вы рассказать, по какому принципу включали тот или иной институт в состав институтов развития?

Немного поясню.

На самом деле есть понятие национальной инвестиционной системы – более широкое, чем понятие института развития.

Когда Вы говорите о том, что банк является институтом развития, для меня это выглядит немного странным.

Конечно, он участвует в формировании промышленной политики.

Но тем не менее обычно банки не относят к институтам развития.

И еще один вопрос.

Существуют научно-образовательные центры мирового уровня.

В Вашем перечне я их не нашел – может быть, просто не заметил.

Но все-таки если уж Вы говорите об институтах развития в таком широком плане, то как-то странно их не упомянуть.

Данилов-Данильян А.В.: Дело в том, что институты саморазвития, то есть госкорпорации и госбанки, я условно отношу к институтам развития.

Условно.

Просто их вклад в реализацию промышленной политики – огромный.

Мы знаем много примеров, когда различные государственные органы для того, чтобы возник, например, промышленный комплекс, осуществляли соответствующее воздействие через госбанки.

Это факт.

А раз факт, то нельзя о нем забывать.

Что касается образовательных центров, то это уже совсем другое, это подготовка кадров.

Это не промышленная политика.

Полтерович В.М.: Научно-образовательные центры мирового уровня решают задачи как раз...

Данилов-Данильян А.В.: Виктор Меерович, они не институты, они организации...

Полтерович В.М.: Нет, с этим согласиться невозможно.

Хорошо. Я просто хочу обратить Ваше внимание на то, что есть более широкое понятие – национальная инновационная система.

И, может быть, стоит как раз его включить как предмет Вашего рассмотрения.

Данилов-Данильян А.В.: Спасибо.

Согласиться придется по следующим обстоятельствам.

Национальная инновационная система мне очень хорошо понятна, я принимал участие в разработке

соответствующей нормативно-правовой базы, когда еще работал в Администрации Президента РФ.

Некоторые институты развития составляют основу национальной инновационной системы.

Но это именно система, куда входит в том числе и огромное количество частных компаний, которые не могут по определению являться институтами.

Это не институты.

Вся их совокупность – это институт.

Но отдельные организации – не институты.

То, о чем я говорил, – это как раз организации, являющиеся институтами.

Они занимаются реализацией проектов в соответствии с задачами промышленной политики (industrial policy), с государственными приоритетами.

Поэтому действительно, образовательные центры очень часто реализуют те или иные проекты, участвуют в них в соответствии с государственными приоритетами.

Но именно потому, что они образовательные, у них основная задача совершенно другая.

У них другой базовый функционал.

Спасибо.

Ваш второй вопрос.

Полтерович В.М.: Хорошо. Второй вопрос.

Вы упоминали о необходимости координировать разные институты развития.

Упоминали даже организацию, которая предназначена для того, чтобы осуществлять координацию.

Данилов-Данильян А.В.: «ВЭБ.РФ».

Полтерович В.М.: Не могли бы Вы более подробно рассказать о том, как осуществляется эта координация?

Потому что создается впечатление, что координации нет.

Данилов-Данильян А.В.: Было решение правительства.

«ВЭБ.РФ», получив соответствующий функционал, проводил консультации с каждым государственным институтом развития, которые теперь под его началом (так называемый второй ключ).

Не все институты развития попали под второй ключ.

Многие находятся и будут, видимо, находиться всегда за его пределами.

Настолько они специфичны.

Например, там есть фонд, который в целях оборонно-промышленного комплекса занимается поддержкой отдельных проектов производства тех или иных изделий, так это назовем.

И конечно, «ВЭБ.РФ» там делать нечего, на наш взгляд.

После консультаций «ВЭБ.РФ» пытался выработать и некоторые оценки деятельности институтов развития, и некоторые общие правила принятия решений.

При этом использовались лучшие практики тех институтов развития, которые себя зарекомендовали успешными, в частности, ФРП.

Кроме того, «ВЭБ.РФ» ввел в наблюдательные советы или в советы директоров многих институтов развития, которые попали под его ключ, своих представителей. Например, в ФРП таковых было три, сейчас два.

Всем хорошо известные Андрей Клепач и Юрий Корсун.

Таким образом, через наблюдательные советы «ВЭБ.РФ» как раз пытается координировать.

Очень часто на заседаниях советов многих институтов развития представители «ВЭБ.РФ», например, рекомендуют, чтобы какой-то проект лучше шел через другой институт развития, потому что он не соответствует в полной мере стандарту.

Вроде внешне и соответствует, но не соответствует духу.

А поскольку стандарты соответствующих институтов развития – вещь сравнительно быстро меняющаяся, то постепенно система приобретает необходимую выстроенность, стройность.

Это идет очень медленно, но это происходит.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, профессор Куимов из Сибирского федерального университета.

проф. КУИМОВ В.В. – к. э. н. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.

КУИМОВ В.В.

д. э. н., проф., профессор кафедры торгового дела
и маркетинга Сибирского федерального университета

Куимов В.В.: Хочу также поблагодарить докладчика за хорошее, интересное сообщение.

Мой вопрос о следующем.

Не кажется ли Вам, что отсутствие теоретического видения принципов и основ развития будущего мешает выбору тех проектов, которые действительно ускоряли бы некоторые элементы развития на перспективу?

Когда Вы говорите об исправлении «провалов» рынка, это, конечно, с одной стороны, наверное, закрывает то, о чем я спрашиваю.

С другой стороны, есть вторая главная цель – выискивать то, что будет потом быстро и качественно развиваться и увлекать за собой что-то следующее.

Отсутствие видения развития, которое, правда, сформулировано в некоторых элементах указами президента, и отсутствие видения теоретических подходов к будущему развитию не сдерживают ли совершенствование институтов развития? Точнее, не уводят ли их в сторону от главного направления?

Спасибо.

Данилов-Данильян А.В.: Насчет главного направления.

Вы же сами сказали, что его вроде как не видите. Соответственно, очень сложно сказать, в том или не в том направлении вся эта система развивается.

Именно поэтому премьер-министр регулярно проводит сейчас стратегические сессии, в рамках которых задаются параметры развития тех или иных отраслей и других сфер деятельности государства.

Мы иногда участвуем в этих сессиях.

Но задача этих сессий – как раз попробовать максимально увязать одно с другим.

Цифровые технологии этому все больше и больше помогают.

Мы имеем возможность, может быть, через какое-то время – я надеюсь, оно случится в обозримом будущем, – запустить определенную нейросеть, которая будет охватывать все государственные институты развития, с точки зрения и заявителей, и государственных приоритетов, и возможностей по поставке различных сырьевых компонентов, и по сбыту продукции и так далее.

По крайней мере, это должно существенно упростить работу экспертов.

С такой нейросетью будет гораздо проще делать выводы в отношении тех или иных проектов.

Но это еще впереди.

Пока это только задумка.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр., д. социол. н., профессор, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Черныш М.Ф.: Я задам вопрос, возможно, наивный, но все же, как я полагаю, неизбежный.

Что такое новация? Как нам распознавать новации?

Если я правильно понимаю текущую ситуацию, мы предпочитаем идти в кильватере развитых стран, развитых экономик.

Если там сделали многоцветный космический корабль, то и мы должны делать свой шаттл.

Если же в США изобрели космический корабль, который точно приземляется на платформу и может быть через некоторое время повторно запущен, то и мы должны идти по этому пути – сделать такой же корабль.

Если у них «Конкорд», то и у нас «Конкордски», ТУ-144.

Не все в этой максиме правда. Были и у нас оригинальные продукты, в которых мы оказывались впереди планеты всей.

Например, в авиации.

Но сейчас мы подобных качеств не демонстрируем.

И все-таки остаются сомнения: так ли это на самом деле?

Всегда ли мы идем по тропинкам, проложенным в развитых странах?

Существует ли в российской экономике механизм, помогающий распознавать собственные новации и извлекать из них пользу?

Данилов-Данильян А.В.: Конечно, такие способы есть.

Есть институты развития, которые этим занимаются.

Есть АТР – Агентство технологического развития.

Есть институт «Сколково», который достаточно неплохо проводит анализ проектов именно на предмет научно-технической новизны, инновационности.

Из этого очень часто рождаются конкретные промышленные образцы, затем – малые серии, а потом – большие серии продукции, которая опережает по своим свойствам западные аналоги.

Дело в том, что мы пока еще находимся в старом, советском тренде, когда огромное количество изобретений складывалось под сукно просто потому, что не было соответствующей строчки в плане по их реализации.

Сейчас это во многом коммерческая история.

С помощью инноваций выигрывается конкуренция.

И такого рода инновации очень даже неплохо развиваются.

Когда ты пропускаешь через свои руки сотни проектов, как члены экспертного совета делают во многих институтах развития, то, повторяю, становится видна инновационность той или иной технологии.

Эксперты это чувствуют.

А иногда приходит заявитель, который приносит проект, состоящий из совершенно старых технологий.

Мы стараемся такие проекты отклонять.

Кроме тех случаев, когда другого пути просто нет.

Например, по какому-то оборудованию или технологии у нас стопроцентный импорт, и ситуация становится все более критической, потому что большая часть этого импорта приходит из недружественных стран.

Да, это типичное исключение, и тогда приходится идти на поддержку старых технологий.

Но, в принципе, мы все более и более становимся прикладными.

Не просто – придумал что-то, опубликовал... а изобретение украли, потому что его не успели, а иногда и не хотели запатентовать.

Потому что для ученых очень часто более значимой является публикация, чем патентование.

В итоге целый ряд наших изобретений к нам же пришел из-за рубежа.

Хотя вот оно лежит, вот опубликовано, но не развивалось.

Но если патентование делается через коммерческие структуры, то это уже история о том, что, скорее всего, начнется реальное внедрение.

Более общая задача – как сделать так, чтобы наши инновации передавались в практику массово.

В таком случае есть большой шанс, что мы закрепляемся на самых передовых рубежах.

По крайней мере, в ФРП много таких примеров.

Мы много финансировали того, что теперь покупается во многих странах мира, включая наших текущих недружественных партнеров.

СКРЫПНИК Д.В.

к. э. н., старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории экономики изменения климата факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики»

Скрыпник Д.В.: Добрый день, уважаемые коллеги!

У меня такой вопрос.

Наверняка есть множество проектов, которые, если их рассматривать и оценивать традиционными методами, будут неэффективны, нерентабельны, изолированы.

Но если их рассматривать в совокупности, если технология меняется сразу в нескольких смежных отраслях, то такие проекты становятся рентабельными.

Есть ли какая-то методология, способ оценки таких проектов, поиска таких проектов и координации между хотя бы двумя фирмами из разных отраслей?

Есть ли возможность реализовать такие проекты, которые могли бы быть рентабельными?

Спасибо.

Данилов-Данильян А.В.: Это уникальные случаи.

У нас таких почти не было.

Хотя члены экспертного совета – люди умные, опытные и умеют слушать заявителя, который рассказывает, например, что эта зонтичная технология много что и где меняет.

В таких случаях мы иногда обращаемся в профильное министерство или в Минэкономразвития, у которого более широкая сфера деятельности, и инициируем проведение совместного совещания.

Потому что иногда действительно бывает такая междисциплинарная, межведомственная история.

То есть если вопрос связан с реализацией междисциплинарного проекта, то иногда его можно решить с помощью взаимодействия с другими институтами.

И мы это делаем.

Фонд развития промышленности взаимодействует со многими институтами.

Это не только «ВЭБ.РФ», который теперь стал одним из координаторов нашей деятельности.

У нас были совместные проекты с РФПИ (например, по вакцинам и лекарствам от ковида). У нас много совместных проектов с Корпорацией МСП. У нас были проекты с рядом региональных институтов развития.

Иногда мы взаимодействуем с институтами поддержки инноваций, принимая от них в каких-то случаях эстафетную палочку.

В каких-то случаях, наоборот, ФРП отправляет заявителя, которому не хватает средств в соответствии с нашими требованиями, для получения грантов в другие институты развития.

Потому что многие институты выдают не только беспроцентные, но и безвозвратные денежные средства для реализации того или иного проекта.

И таким образом удастся поддержать комплексные технологии.

Но, повторяю, это очень редкие случаи.

Спасибо.

МОСКОВКИН Л.И.

специальный корреспондент газеты «Московская правда»

Московкин Л.И.: Постоянно говорят про «институты развития», но я наконец впервые начал понимать, о чем речь.

Кроме того, я понял, что конкретно Ваша деятельность – подвижническая.

Тут все зависит от честности людей, которые в этом участвуют.

Допустим, «Круг добра» – удачная фигура.

Насчет «ВЭБ.РФ» у меня большие сомнения.

Можно ли сделать такую систему, которая бы от этого не зависела?

Грубо говоря, как Госплан в СССР, который был железобетонно устойчив к человеческому фактору.

Спасибо.

Данилов-Данильян А.В.: Насчет железобетонной устойчивости Госплана я согласиться не могу.

Мой папа, Виктор Иванович Данилов-Данильян, был членом как минимум двух экспертных комиссий Госплана.

И там роль экспертов была очень существенна.

Госплан – это отнюдь не только матрицы затрат и выпуска, но и совершенно гигантский блок экспертной работы.

И огромный блок промышленной политики.

Только тогда это существовало в рамках командно-административной советской системы.

Что касается честности и вообще того, можно ли заменить тот же самый экспертный совет ФРП, директора ФРП некоторым автоматически работающим роботом...

Пока, наверное, не получается, хотя я был бы счастлив, конечно, если бы так произошло.

Если руководство того или иного института развития не показывает необходимой эффективности, оно, конечно, должно заменяться.

А в оценку деятельности соответствующего института должна входить и оценка со стороны потребителей – авторов проектов, в том числе бизнес-проектов, которые подают заявки.

Наличие двух ключей здесь даже полезно.

Когда министерство с одной стороны и «ВЭБ.РФ» – с другой оценивают эту деятельность.

И, условно, третья власть – это заявители.

Думаю, что в такой системе общая эффективность институтов развития, конечно, должна повышаться.

Мы работаем, чтобы так и было.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Лев Израилевич, у меня короткая реплика.

Полагаю, за счет определенной организационной структуры можно минимизировать многие издержки и устранить недостатки производства и бизнеса.

Но устранить отсутствие человеческой честности, порядочности, ответственности невозможно.

В логику некоторых структур бывает целенаправленно заложена возможность использования не самых добросовестных механизмов управления. И это нередко прикрывается красивыми лозунгами, выносимыми на фасад.

На самом деле это очень удобная ширма для использования бюджетных средств под благовидным предлогом.

Поэтому на всех уровнях важны и честность, и культура общества, которые, в принципе, должны минимизировать и устранять возможные отклонения – коррупцию, нечестность, жадность.

Порядочность должна присутствовать на фундаментальном уровне.

СЕРГЕЕВ С.Ф.

д. п. н., профессор кафедры информационных систем
в искусстве и гуманитарных науках
Санкт-Петербургского государственного университета

Сергеев С.Ф.: Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемый докладчик!

Хотел бы поддержать Гарегина Ашотовича, который в полемике очень точно и правильно заметил, что честность – это ситуативная вещь.

Не зря же ведь говорили: «Мы – люди честные, воры известные...»

Человек идет по жизни ситуативно и ведет себя из лучшего на данный момент побуждения.

Часто его поведение определяется интересами социальной группы, членом которой он является.

Меня интересует, что такое институт развития.

Ведь в общем случае институт развития – это бюрократическое объединение с целью достижения формально позитивной для общества цели и реализации скрытых неформальных интересов, возникающих у членов любой организации.

В свое время известный советский историк, философ и политолог Михаил Восленский в своей книге «Номенклатура» писал, что барьер между организациями гораздо мощнее, чем между крепостями.

Идет непрерывная война между организациями как социальными структурами за ресурсы и влияние на государство, что порождает серьезные проблемы и противоречия при их возникновении и развитии.

Вы, вводя новые временные институты или институты – постоянные объединения, являетесь точками роста,

фигурально выражаясь, «раковых опухолей» в экономической структуре общества.

Потому что опухоль растет, пока есть ресурсы и питание.

В рыночной системе питание получается в процессе конкуренции.

Здесь же нет конкуренции, здесь только близость к государству и бюрократические связи.

Отсюда вопрос.

Все институты развития представляют собой своего рода «всадника без головы».

То есть все у них есть, но нет векторов, связывающих их с механизмами самоорганизации общества.

Замена механизмов самоорганизации на механизмы экспертных оценок – это довольно опасный шаг, учитывая административный принцип принятия решений.

Это довольно странно.

Где мы берем столь универсальных экспертов, кто такие эксперты, что такое экспертность, в конце концов?

Почему Академия наук в стороне? Не вижу никаких движений со стороны фондов к ученым и науке.

Даже здесь в зале сидят известные ученые-экономисты.

Они не молчат, участвуя в дискуссии, потому что понимают, что рост числа номенклатурных институтов уничтожает реальные экономические отношения в обществе, ведет к нецелевому финансированию.

Как Вы к этому относитесь?

Где взять голову для «всадника без головы»?

Спасибо!

Данилов-Данильян А.В.: В очень странный и неприятный образ Вы перевели тему.

Головы есть. Не надо обижать людей.

Начнем с того, что во всех странах мира есть институты развития.

Если бы эти «всадники» были без головы, то и мира, наверное, уже давно не было бы.

Здесь, мягко говоря, реальность совсем не соответствует тому, что Вы сказали.

Где брать экспертов?

Обучать.

Кого-то привлекать из бизнеса, из разных других сфер.

Возьмем, допустим, Фонд развития промышленности.

В этом фонде сейчас 18 членов экспертного совета.

Четверо представляют «большую четверку» – это РСПП, ТПП, «Деловая Россия», «Опора России».

Эти люди хорошо знают, чего хочет бизнес, какие у него проблемы.

Многие из них сами прошли школу бизнеса, очень неплохо оценивают проект с точки зрения заявителей.

Есть 6–7 представителей крупнейших государственных банков, но в разные годы были и представители частных кредитных организаций.

Может быть, со временем снова вернемся к тому, что в экспертном совете ФРП появятся представители крупнейших частных банков.

Все это люди, которые хорошо умеют оценивать проекты, поскольку входят в инвестиционные комитеты соответствующих банков, имеют опыт в кредитовании. Правда, на жестких банковских условиях.

В экспертном совете ФРП также есть эксперты, которые представляют отраслевые союзы, ассоциации или другие институты развития.

Например, ЦРП, который знает все про оборудование, Агентство стратегических инициатив и ряд других.

Таким образом, набор экспертов достаточно широкий, способный всесторонне рассматривать проект.

И это люди, которые умеют анализировать инвестиционные проекты и занимаются этим в течение многих лет.

Причем их банки и иные организации (например, деловые объединения) друг с другом конкурируют, что минимизирует злоупотребления, которые теоретически могут происходить.

В этом экспертном совете почти нет новичков.

Только недавно появился один сенатор, но он активно и успешно обучается. Сенаторы тоже бывают разные. Это умный сенатор.

Многие из этих людей имеют ученые степени, есть кандидаты наук. В некоторых других институтах развития в экспертные советы входят и доктора наук.

Поэтому, говоря о том, что они «без головы», Вы их не просто обижаете.

На самом деле в их лице обижаете все те академические институты, где они получали соответствующие степени и в которых к ним относятся чрезвычайно уважительно.

Очень советую и себя вести так же впредь.

Сергеев С.Ф.: Уважаемый Антон Викторович!

Я хочу сказать, что в своем ответе Вы сделали легкую подмену понятий.

Я сказал: «Нет головы у института», – а Вы перешли на головы профессоров и кандидатов наук...

Данилов-Данильян А.В.: Что Вы тогда имеете в виду под «головой» института?

Сергеев С.Ф.: Под «головой» института я подразумеваю деятельность этой структуры по принятию и реализации решений в рамках динамики социальной и промышленной системы, приносящую позитивный результат.

Это не сумма экспертных решений, а коллегиальное решение и ответственность за него.

Данилов-Данильян А.В.: Каждый институт так и работает.

Сергеев С.Ф.: Тогда зачем институт развития, если такие же функции по оценке инвестиционных проектов и принятию решений о финансировании выполняют банки, рискуя при этом своим капиталом?

Данилов-Данильян А.В.: Мне кажется, это легко объяснимо.

Банки не закрывают «провалы» рынка, они...

Тосунян Г.А.: Коллеги, перенесем эту дискуссию в обсуждение, которое состоится после выступления всех докладчиков. Потому что сейчас вопросы и ответы, а полемика позже.

Более того, здесь обижаться не надо. В своем вопросе коллега Сергеев высказал позицию.

У нас запрещены некорректные выпады против участников обсуждения. Но против институтов выступать можно, это не возбраняется.

Последний, заключительный вопрос в адрес Антона Викторовича – и переходим к следующим докладам.

СТОЛЯРОВ А.И.

к. э. н., заместитель заведующего базовой кафедрой
инфраструктуры финансового рынка факультета
экономических наук НИУ «Высшая школа экономики»

Столяров А.И.: Добрый день!

Скажу немного в отношении института развития промышленности.

В прошлом году наш студент сделал очень интересную работу.

Он попытался проанализировать те проекты, которые были приняты.

Можно ли заранее прогнозировать, пройдет проект или нет?

На мой взгляд, это у нас единственный институт, который полностью подходит под институты развития.

У меня вопрос другой – по региональным институтам развития, всевозможным корпорациям развития.

Так получилось, что я в последнее время достаточно много с ними общался.

И у меня возник вопрос: а есть ли какая-то координация на федеральном уровне в целях контроля работы этих институтов?

Потому что на самом деле возникают большие вопросы к их деятельности.

Данилов-Данильян А.В.: Те институты, которые учреждены субъектами Российской Федерации, их администрациями, правительствами, практически никак не координируются из федерального центра

Столяров А.И.: А это правильно или нет?

Данилов-Данильян А.В.: Это неправильно.

Например, Фонд развития промышленности, понимая эту неправильность, пошел сам навстречу этим региональным институтам.

И три из шести базовых программ Фонда развития промышленности реализуются очень часто совместно с региональными институтами.

Заявитель сначала идет в региональный Фонд развития промышленности, получает одобрение.

У регионального фонда, допустим, не хватает денег на реализацию, на то, чтобы выдать соответствующий заем.

Тогда до 90% этого займа выдает федеральный Фонд развития промышленности.

И оба фонда являются заимодавцами для заявителя.

Естественно, при условии, что экспертные советы и там и там одобрили этот проект и он соответствует всем необходимым стандартам.

Эта работа уже налажена.

Кроме того, мы для них активно проводим обучающие семинары, вебинары и прочее.

Насколько я знаю, примерно тем же занимается Корпорация МСП вместе с аналогичными региональными гарантирующими организациями.

Насчет других институтов на федеральном и региональном уровне, честно говоря, не знаю.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, переходим ко второму докладу.

Сергей Иванович Шаталов расскажет нам о практике международных банков развития.

ДОКЛАД 2

ШАТАЛОВ С.И.

к. э. н., член консультативного комитета высокого уровня
независимого оценочного департамента при совете
исполнительных директоров Нового банка развития

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ БАНКОВ РАЗВИТИЯ

Спасибо большое, уважаемый Гарегин Ашотович, уважаемые коллеги. Благодарю за приглашение.

Это мой дебют на Научно-консультативном совете и в Ассоциации российских банков.

Я буду говорить про многосторонние банки развития, или международные банки развития (МБР).

Есть и другие международные институты развития, в частности, региональные финансовые институты.

Это аналоги МВФ на региональном уровне.

Они не менее важны.

Сейчас в мире действуют более 60 многосторонних банков развития с совокупным капиталом более 1 трлн долл.

В рамках мировой экономики это немного – менее 1% глобального ВВП.

Причем доля совокупного капитала МБР в процентах от глобального ВВП начиная с 60-х годов сократилась более чем втрое.

И это несмотря на создание 10 лет назад двух очень крупных новых многосторонних банков развития.

Это Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития (НБР).

Итак, удельный вес МБР в мировой экономике за последние 60 лет заметно сократился.

При этом существуют десятки маленьких региональных банков развития, а крупных игроков очень немного.

Первый по времени создания многосторонний банк развития – Всемирный банк, дитя Бреттон-Вудской конференции (1944 год).

Сейчас это Группа Всемирного банка, включающая пять организаций.

Крупнейший игрок среди МБР – это Европейский инвестиционный банк, который работает не только в странах – членах Европейского союза, но и во всех соседних странах, включая постсоветские, страны Ближнего Востока и ряд других развивающихся стран.

Как я уже упоминал, десять лет назад созданы два новых крупных банка – АБИИ и НБР, которые теоретически могут бросить вызов «старым» МБР.

«Старыми» принято называть «банки-наследие» (legacy banks) – это Группа Всемирного банка, Межамериканский, Азиатский, Африканский и Исламский банки развития.

Я бы также причислил к ним Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР).

На практике единственный из новых банков, который может бросить вызов «старым» МБР, – это Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), имеющий действительно глобальный охват – 110 стран-участниц на пяти континентах.

Новый банк развития меньше АБИИ как по числу стран-участниц, так и по объему операций.

Группа Всемирного банка (ГВБ) располагает крупнейшим капиталом среди всех многосторонних банков.

При этом ее доля в совокупном капитале всех МБР сократилась с более чем 40% в 2000 году до менее чем 30% в прошлом году.

На каждый из двух новых многосторонних банков развития (АБИИ и НБР) приходится примерно по 9% совокупного капитала МБР.

Эти два новых многосторонних банка имеют существенные отличия.

НБР был основан группой БРИКС, и к нему постепенно присоединяются новые государства-участники (сейчас их девять).

АБИИ – это китайская инициатива, и к ней достаточно быстро присоединились не только десятки развивающихся стран, но и целый ряд стран так называемого Глобального Севера.

Запуск этих двух новых МБР привел к существенному сокращению долей «семерки» и стран ОЭСР, то есть Глобального Севера, в совокупном капитале МБР.

Относительно падения доли удельного веса многосторонних банков развития в финансировании развивающихся стран.

Речь идет именно о развивающихся странах, поскольку очень немногие МБР работают в странах Глобального Севера: к ним относятся Европейский инвестиционный банк и ЕБРР.

На Рисунке 1 показана доля различных источников финансирования бедных развивающихся стран в процентах от их ВВП за последние 50 лет.

Это две группы стран, по классификации Всемирного банка: во-первых, страны с низким уровнем дохода на душу населения (low income); во-вторых, нижняя группа стран со средним уровнем дохода (lower-middle income).

Чистые финансовые потоки в % ВВП, страны с низким уровнем дохода + нижняя группа стран со средним уровнем дохода¹

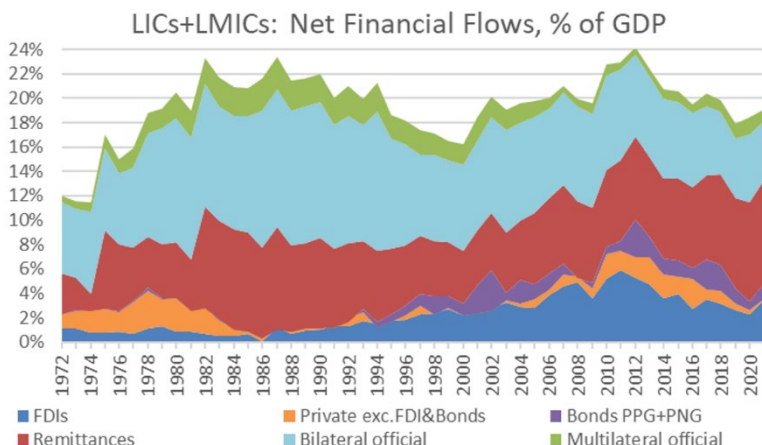

Рис. 1

Обратите внимание на зеленый компонент этого графика (самый верхний – multilateral official).

Это доля многосторонних банков развития в финансировании этих стран.

¹ Источник: расчеты автора по данным World Bank: World Development Indicators.

Как видите, она существенно сократилась по сравнению с прошлым веком.

Исключение – всплеск 2020–2021 годов, вызванный экстренным финансированием для преодоления последствий ковида.

На Рисунке 2 показана структура финансирования развивающихся стран верхней группы стран со средним уровнем дохода (UMICs).

**Чистые финансовые потоки в % ВВП,
верхняя группа стран со средним уровнем дохода²**

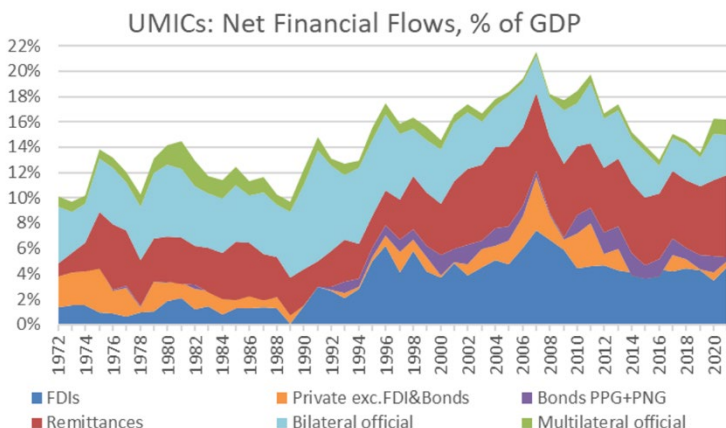

Рис. 2

Для этих развивающихся стран роль многосторонних банков фактически сошла на нет.

² Источник: расчеты автора по данным World Bank: World Development Indicators.

Чем обусловлены эти тенденции?

Первый фактор – увеличение доли частных источников капитала, прежде всего для верхней группы стран со средним уровнем дохода.

Это синий компонент внизу каждого графика – прямые иностранные инвестиции (FDIs).

Плюс портфельные инвестиции – два более скромных компонента в середине (Bonds + Private excl. FDI&Bonds).

И второй очень важный фактор.

Основным источником финансирования развивающихся стран в последние четверть века стали переводы трудовых мигрантов (remittances).

Это крупный красный компонент в середине.

Теперь – о последних трендах.

Не все тренды новейшие, некоторые были заложены в начале текущего века.

Инноваторами чаще выступают крупнейшие («старые») МБР, другие имитируют.

Какие же именно тренды характерны сейчас для политики МБР?

Они таковы:

- оценка деятельности по результативности (impact), а не по «валу»;
- развитие каталитической роли МБР путем софинансирования и блендирования с частным сектором, продвижения гарантийных и страховых продуктов, снижающих риски частного сектора при вложениях в развивающиеся страны;

- приоритет проектов, нацеленных на глобальные блага и угрозы, например, «зеленый переход» и митигация конфликтов;
- автоматическое расширение финансирования и реорганизация долга в случае форс-мажорных ситуаций, например, пандемий («вертолетные деньги»);
- предложение заемщикам дополнительных опций по управлению долгом: выбор валюты кредита, в том числе национальной; хеджирование курсовых и процентных рисков (за дополнительные комиссии);
- продажа заемщикам консультационных услуг и предоставление платной техпомощи (модель Маккинси);
- устранение конкуренции МБР – их объединение в рамках страновых платформ под руководством стран-бенефициаров на базе единых стандартов (ESG и прочих);
- увеличение риск-аппетитов МБР (снижение их нормативов обеспечения капиталом и ликвидности, использование капитала до востребования для расширения объемов финансирования, выпуск гибридного капитала);
- разделение рисков путем обмена активами между МБР (передача партнерам части проектного портфеля) и секьюритизации активов (их продажа широкому рынку);
- инновационные инструменты фондирования, например, «этическое финансирование» (запрет на финансирование вооружений, табака, детского труда и так далее).

Здесь становится очень интересно.

Я практически буду говорить о проблемах, близких к тем, которые описал в своем докладе Антон Викторович.

Во-первых, не все тренды новейшие, некоторые были заложены в начале века.

Инноваторами обычно выступали «старые» многосторонние банки, где доминируют западные акционеры.

Большинство других МБР копировали деятельность старых.

В последние годы работы во Всемирном банке мне довелось заниматься сравнительной оценкой деятельности МБР «по результативности, а не по валу» и их механизмов корпоративного управления.

Уместно заметить, что банки развития средних размеров продолжают оценивать результаты своей работы по валу. Да, собственно, и из критериев эффективности «старых» МБР вал никуда не исчез.

МБР фактически являются «кооперативами суверенов».

И все же это прежде всего банки, и они не могут отойти от вала.

Во Всемирном банке оценка деятельности по результативности была внедрена давно, в конце 60-х годов, тогдашним президентом МБРР Робертом Макнамарой.

Но и сейчас фактически вал является важным аспектом оценки эффективности проектных команд МБРР.

Второй, самый важный тренд, который продвигают все ведущие многосторонние банки, – это развитие их каталитической роли в мобилизации финансирования для развивающихся стран.

Для этого они используют несколько инструментов.

Это прежде всего софинансирование – объединение ресурсов нескольких МБР для реализации одного проекта в государстве-заемщике.

Софинансирование практикуется в двух формах.

Собственно *совместное* финансирование, когда несколько МБР объединяют свои ресурсы, проектные команды и совместно разрабатывают проект.

По моему опыту, это очень трудно, поскольку бюрократические процедуры разных МБР не полностью совместимы друг с другом.

В конце 2000-х годов я руководил крупнейшей страновой программой Всемирного банка в регионе Центральной Азии.

Мы пытались следовать этой модели, но это требует значительных затрат времени правительства-заемщика, что не вызывает у последнего никакой радости.

Вторая форма софинансирования – *параллельное* финансирование, когда банки делят проект на отдельные компоненты и не объединяют свои ресурсы.

Скажем, один МБР строит дорогу, а второй, поменьше, строит для этой дороги придорожную инфраструктуру.

Это проще и распространено шире.

Но это не софинансирование, конечно, а просто совместная деятельность – честно говоря, для галочки.

Гораздо более важной и перспективной формой каталитической роли МБР является **блендирование** – мобилизация частных капиталов в проекты, где МБР выступают как якорные инвесторы, гаранты или страховщики.

Сразу скажу здесь о проблемах.

Статистика блендирования доступна на сайте ОЭСР; есть также регулярные доклады ведущих МБР на эту тему.

Во-первых, статистика показывает, что эта форма мобилизации частных капиталов для развивающихся стран расширяется довольно скромными темпами.

Более того, бенефициарами блендирования выступает лишь небольшое число стран: на верхнюю десятку развивающихся стран-реципиентов приходится более 51% блендированных ресурсов.

В Группе Всемирного банка есть специализированное агентство – Многостороннее агентство инвестиционных гарантий (МАИГ), которое предоставляет гарантии частным инвесторам, заинтересованным в проектах в развивающихся странах.

То есть проект реализуется и финансируется частными инвесторами и частными финансовыми институтами, а МАИГ выдает по этим кредитам гарантии.

Но масштабы операций МАИГ весьма скромные, менее 10 млрд долл. в год. Частные инвесторы не считают, что гарантии агентства способны закрыть все риски, особенно в беднейших странах.

Второй момент – довольно спорный, это упор на проекты, нацеленные на глобальные блага и угрозы.

Самые распространенные из них – климатическое финансирование и преодоление последствий конфликтов.

В России немало специалистов, которые скептически относятся к этой повестке дня.

Во всех странах БРИКС, включая Россию, есть государственные программы климатического финансирования.

В России этим активно занимается «ВЭБ.РФ».

Есть аналогичные программы в Китае, Индии, Бразилии, ЮАР.

Но является ли эта повестка дня самой приоритетной для бедных развивающихся стран, все еще неясно.

Многие из них, включая Индию, полагают, что у них есть более насущные вызовы.

Существенная проблема проектов, имеющих целью снижение потерь от «глобальных зол», состоит в том, что многие из них не генерируют доходов для МБР и отличаются высокими рисками и транзакционными издержками.

Бюджет реализации проекта в стране, пораженной конфликтом, как правило, в 3–5 раз выше, чем бюджет аналогичного проекта в стабильной стране, а вот результаты проекта в первом случае далеко не гарантированы.

Важный инструмент, который был широко использован во время глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов и в гораздо больших размерах – во время ковидной пандемии, – это автоматическое расширение финансирования («вертолетные деньги») и реорганизация долга беднейших стран в случае форс-мажора, ведущего к их неплатежеспособности.

Этим занимается не только МВФ, этим занимаются и многосторонние банки развития.

Также ведущие многосторонние банки активно предлагают дополнительные опции для заемщиков по управлению долгом.

Это хеджирование различных рисков, в том числе курсовых и процентных, а также выбор валюты кредита.

Немного скажу о проблемах таких опций.

30 лет назад их не предлагал никто.

Инноватором в этой сфере выступила Группа Всемирного банка.

Мне довелось взаимодействовать с казначейством Всемирного банка.

Они предложили несколько крайне интересных продуктов.

Их использование растет, но все такие продукты несут комиссии, и используют их, как правило, более богатые развивающиеся страны.

Далее.

Продажа консультационных услуг и платная техническая помощь.

Самый яркий пример – это платное консультирование Саудовской Аравии, которую, конечно, с очень большой долей условности можно отнести к развивающимся странам.

Долгосрочная стратегия для Саудовской Аравии («KSA-2030») была разработана на платной основе консультантами из Группы Всемирного банка.

Даже если эти услуги наивысшего качества, позволить их себе могут только более богатые страны.

Мы говорили о конкуренции институтов развития в России.

Конкуренция многосторонних банков развития – реальность в большинстве стран-бенефициаров.

Мне приходилось сталкиваться с такого рода проблемами и пытаться разрешать их.

Решением может стать создание страновых платформ.

Это новый инструмент, его разворачивают последние лет десять.

О чем здесь речь?

Ранее каждый МБР разрабатывал свою собственную стратегию партнерства со страной и согласовывал ее с правительством-заемщиком.

Скажем, у Азиатского банка развития действует стратегия партнерства с Малайзией.

Одновременно схожая стратегия есть и у Исламского банка развития, и у Всемирного банка.

Понятно, что заемщики рассматривают эти конкурирующие документы как гигантскую потерю своего времени: с каждым многосторонним институтом надо договариваться отдельно.

Сейчас делаются попытки создать единые страновые платформы под руководством стран-бенефициаров и с участием всех ведущих МБР, на базе единых стандартов – ESG и так далее.

Также со стороны развивающихся стран идет серьезное давление для того, чтобы увеличить финансирование на льготных условиях для беднейших стран.

Большинство МБР предоставляют льготные кредиты.

Для самых бедных стран ряд МБР предлагает даже гранты.

Примером являются как специализированный фонд Азиатского банка развития, так и Международная ассоциация развития, которая входит в Группу Всемирного банка.

Проблема здесь в том, что высокое льготное финансирование проектов в беднейших странах возможно либо за счет регулярных взносов стран-доноров (модель МАР до 2017 года), либо за счет истощения балансов МБР, что в конечном счете может снизить их рейтинги.

Для увеличения объемов финансирования развивающихся стран необходимо также повысить аппетит МБР к риску.

Сейчас активно идет обсуждение акционерами этих банков вопросов о снижении нормативов обеспечения капитала и ликвидности, а также применения капитала до востребования.

В «старых» банках капитал до востребования составляет 80–90% общего капитала. Оплаченный капитал составляет не более 20%.

Это означает, что объемы активных операций МБР существенно ниже, чем это могло бы быть, если бы был задействован весь их капитал (оплаченный + до востребования).

Обсуждается также вариант выпуска гибридного капитала, который сочетает в себе характеристики капитала и долговых инструментов, которые размещаются на рынке.

Это позволит разделить риски МБР с широким рынком.

В каждом из этих трендов мы видим некоторые проблемы: в частности, не все политически модные тренды одинаково важны для всех групп заемщиков.

В истории «старых» МБР немало трендов, которые были преходящими капризами моды и/или политизировались «семеркой» либо другими доминирующими акционерами.

Из последних это (а) расширение кредитования беднейших стран и стран, пораженных конфликтами (что несет очень высокие транзакционные издержки), и (б) требование свертывать операции в странах верхне-среднего и высокого дохода (graduation).

Трезвая оценка приведет вас к выводу, что эти тренды могут серьезно ослабить финансовую стабильность МБР.

Еще одним трендом последних лет является значительный упор на оценку социальных эффектов проектов, со снижением роли соображений об их финансовой жизнеспособности.

Социальное измерение крайне важно, но не стоит забывать, что МБР все-таки живут с прибыли, а стало быть, финансовую отдачу проекта нельзя списывать со счетов.

Есть проблемы и в вопросах мобилизации частных финансовых ресурсов для развития. Объемы блендирования, ГЧП, гарантий, иных продуктов для частных заемщиков зависят от риск-аппетита последних, а этот аппетит очень процикличен.

Практика показывает, что частные инвесторы и кредиторы стремятся ликвидировать свои позиции в развивающихся странах именно в те периоды, когда нужда последних в дополнительном финансировании особенно остра.

«Вертолетные деньги» могут расшатывать финансовую дисциплину заемщиков (исходящих из довода, что «все равно потом спишут»), а потенциально – и подрывать рейтинг МБР.

Успех страновых платформ под руководством заемщиков зависит от качества их институтов.

Если эти институты слабы и/или коррумпированы (а это реальность десятков развивающихся стран), платформы едва ли принесут желаемые плоды.

Кредитование в нацвалютах развивается, но также достаточно вяло, поскольку МБР не горят желанием брать на себя курсовые риски, и их традиционно перекладывают на заемщиков.

Нефинансовые инструменты (техпомощь) МБР малодоходны, а кроме того, не все эти банки располагают необходимой экспертизой во всех востребованных отраслях.

Большинство МБР оперируют достаточно скромными средствами и не могут себе позволить нанимать высококвалифицированных специалистов по широкому кругу отраслей.

Поэтому либо они привлекают крупных партнеров типа Азиатского банка развития, либо у них возникают проблемы с качеством проектов.

Таковы основные тенденции и проявившиеся проблемы.

Спасибо за внимание. Готов ответить на вопросы.

Тосунян Г.А.: Спасибо большое, Сергей Иванович.
Академик Иванова Наталья Ивановна, Ваш вопрос.

акад. ИВАНОВА Н.И. – к. э. н. ШАТАЛОВ С.И.

ИВАНОВА Н.И.

акад. РАН, д. э. н., руководитель научного направления
ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова

Иванова Н.И.: Спасибо большое, Сергей Иванович, за Ваш информационно насыщенный доклад.

У меня вопрос с учетом Вашего уникального опыта взаимодействия с Мировым банком, с Азиатским банком развития.

Можете ли Вы оценить сравнительную эффективность этих банков с точки зрения выполнения их функций?

Главным образом меня интересуют особенности Азиатского банка развития.

Нет ли там более сильного, по сравнению с Группой Мирового банка, влияния доминирующего акционера – Китая? Что, соответственно, позволяло бы в первую очередь решать приоритетные для Китая задачи.

Ощущается ли это?

И влияет ли это на текущую деятельность и на перспективы?

Спасибо.

Шаталов С.И.: Спасибо, Наталья Ивановна.

Китай – очень важный акционер.

Но в Азиатском банке развития доминирующим акционером всегда была Япония.

Банк был создан в качестве альтернативы Всемирному банку именно потому, что Япония хотела иметь свой «собственный» региональный банк.

Вторым акционером в Азиатском банке развития являются США.

Если разделить Ваш вопрос на две части...

В принципе, в банках, где доминируют акционеры «семерки», выбор проектов, оценка эффективности проектов, просто допуск проектных предложений к проработке и одобрению советом директоров – это все, конечно, политизировано.

Впрочем, все политизировано в большинстве многосторонних банков развития, за исключением двух-трех, которые работают более на принципах частных банков, типа Corporacia Andina del Fomento в Латинской Америке.

Скажем, сильно политизирован Межамериканский банк.

Но с точки зрения эффективности все акционеры требуют от многосторонних банков, во-первых, хотя бы минимальной прибыльности.

Во-вторых, во всех крупных ведущих многосторонних банках существуют достаточно сложные и, что важно, публичные системы оценки эффективности проектов.

Результаты таких оценок раскрываются на сайтах МБР.

Все это позволяет избегать серьезных просчетов.

Естественно, у каждого МБР были провальные проекты.

Приходилось наблюдать очень печальные примеры в ряде стран, когда политическое решение акционеров о предоставлении финансирования какому-то проекту через пару лет оборачивалось провалами и убытками.

Но в целом механизмы оценки эффективности проектов МБР действуют.

Они опираются как на количественные, так и на качественные показатели и достаточно работоспособны.

акад. ТОСУНЯН Г.А. – к. э. н. ШАТАЛОВ С.И.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Если вопрос поставлен в таком русле, могли бы Вы коротко ответить, как Вы оцениваете уровень коррупционности в таких проектах международного масштаба – по шкале 10 или 100 единиц?

Шаталов С.И.: Я не стал бы оценивать в таком формате, Гарегин Ашотович.

Потому что в разных многосторонних банках ситуации очень разные.

Не скрою, мне приходилось сталкиваться с фактами коррупции в нескольких банках, с которыми я сотрудничал.

В «старых» МБР существует четырехуровневая система аудита, контроля именно за основными факторами коррупции.

Во-первых, есть менеджерская вертикаль, которая начинается с проектного менеджера и заканчивается вице-президентом и президентом.

Все они несут ответственность за «чистоту» проектов и отвечают своей должностью за серьезные ошибки.

Известны прецеденты увольнения даже высших менеджеров в результате коррупционных скандалов.

К примеру, есть прецедент Албании, где в результате раскрытых коррупционных практик в проекте свои должности потеряли и региональный директор, и вице-президент Всемирного банка.

Во-вторых, есть внутренний аудит, который представляет отчет только президенту банка.

Если региональная проектная команда начнет искажать реальность и внутренний аудит зафиксирует это,

президенту поступит соответствующий доклад, и начнется разбирательство.

Существует также внешний аудит.

Это не финансовый аудит, не аудиторские конторы, это именно внешний аудит в рамках МБР.

В одной из программ, которой я руководил, была пара случаев, когда органы внешнего аудита моего института активно сотрудничали по фактам коррупции с финансовой полицией страны-заемщика.

И решили вопрос максимально жестко.

Наконец, в большинстве МБР действуют независимые департаменты оценки проектов, напрямую подчиняющиеся советам директоров (акционерам), а не менеджменту.

Сейчас с одним из таких департаментов я сотрудничаю. Механизм также достаточно жесткий.

Тосунян Г.А.: Понятно. Я хотел просто одной цифрой какой-то коридор увидеть.

Шаталов С.И.: Этой цифры нет.

Тосунян Г.А.: Может быть, эта аналогия неуместна, но в свое время, когда коррупционные откаты от строительных подрядов криминальным структурам в Италии достигли уровня, близкого всего-навсего к 10%, все общество встало на дыбы. И тогда стала проводиться жесткая антикоррупционная борьба с этими мафиозными структурами.

То есть в некоторых странах по определенным проектам есть некие барьеры, через которые невозможно

перейти, потому что общественное возмущение выходит на поверхность.

Причем Вы абсолютно правы: Албания от Италии или от Соединенных Штатов сильно отличается. И эти пороги на экспертном уровне точно определить никогда невозможно.

Шаталов С.И.: Гарегин Ашотович, если можно, очень коротко я приведу пример.

Мне пришлось работать в нескольких странах Центральной Африки.

Там общество немного по-другому относится к коррупции («с этим ничего не поделаешь»), и это очень печально.

Естественно, риски коррупции там гораздо выше, чем, например, в Малайзии или Таиланде.

ЛОГИНОВ И.Э. – к. э. н. ШАТАЛОВ С.И.

Логинов И.Э.: Спасибо большое.

Вы в своем выступлении отметили, что раньше оценка эффективности проводилась по валу, а сейчас больше – по результативности.

Можно пояснить, в чем заключается оценка по результативности?

Шаталов С.И.: В каждом проекте «старых» банков развития, которые были созданы в 40-х – 60-х годах, есть матрица результатов (Project's Development Objectives).

Эта матрица должна показывать, например, число реальных бенефициаров проекта с их разделением по уровню дохода семей, по гендеру, по регионам и по ряду других факторов.

Матрица также должна включать не менее детальные показатели экологических эффектов проекта.

Эта практика свойственна не только «старым» МБР.

Упомянутые мной два новых банка развития фактически копируют ее.

Если посмотреть на проектные документы Нового банка развития или АБИИ, они очень похожи на документы Азиатского банка и Всемирного банка.

Когда мне довелось работать в Евразийском банке развития, мы также использовали проектную документацию, аналогичную практике «старых» МБР.

Причины очевидны: таковы требования правительств-заемщиков и бенефициаров проектов.

По многим проектам вводятся конкретные критерии: например, поддержка развития в бедных, удаленных областях, слабо связанных с экономическим «сердцем»

страны, или число бенефициаров, которые относятся к традиционным сообществам (племенам).

Конкретный пример – гигантская гидроэлектростанция «Нам Тэун», которая построена на границе Лаоса и Таиланда.

В документах оценивается, в частности, воздействие проекта на его бенефициаров среди племен, которые живут в джунглях на северо-западе Лаоса (переселение, компенсации и прочее).

Оценка результативности ныне является нормой для всех проектов МБР.

Посмотрите на любой проектный документ ведущих банков развития – и вы увидите, как используются эти критерии результативности.

Но иногда возникают довольно специфические ситуации.

Были попытки, например, включать в проектные документы как отдельный критерий результативности количество бенефициаров из сообщества ЛГБТ.

Я не делаю оценок, но... это не прижилось.

Просто обращайтесь к проектным документам МБР, я буду рад ими поделиться.

ЦЫКОРИН Н.Н.

начальник центра оценки ФГБУ «ФАПРИД»

Цыкорин Н.Н.: Уважаемый Сергей Иванович, вопрос предельно предметный.

Как Вы оцениваете относительно Нового банка развития вероятность того, что в ближайшей краткосрочной перспективе, то есть на горизонте 12 месяцев, Новый банк развития изменит мандат своей деятельности?

И в сферу своей деятельности включит помощь малому и среднему предпринимательству, его поддержку?

Шаталов С.И.: Начну немного издалека.

Каждый банк развития в течение первого десятилетия (иногда двух десятилетий) своего существования набирался опыта и созрел.

Если посмотреть на деятельность Всемирного банка в 50-е годы, то сейчас она может вызвать только улыбку.

Новый банк развития имеет свои стратегии и конкретные критерии результативности.

В действующей стратегии Новый банк развития прописал определенный процент финансирования частного сектора.

Но я буду честен: пока что эта цель не достигнута.

Новый банк развития в следующем году будет отмечать десятилетие.

Среди основных проблем – нехватка кадров, прежде всего отраслевых специалистов.

В силу этого некоторые направления развиваются недостаточно динамично.

Скажем, в той же стратегии прописаны развитие кредитования частного сектора и необходимость развития гарантийных инструментов.

Но из-за дефицита специалистов воплощение пока что отстает от целевых показателей, установленных в документе.

Еще один важный момент: ни Новый банк развития, ни АБИИ пока не располагают льготными инструментами.

Они кредитуют своих клиентов на квазирыночных условиях.

Дополнительных донорских средств для кредитования на высокольготных условиях у этих банков нет, что ставит их в невыгодное положение по сравнению с Всемирным банком, Азиатским и Африканским банками развития, которые такими средствами располагают.

Поскольку оба эти новых банка обладают высоким рейтингом на национальных рынках капиталов, прежде всего китайском, они фондируются по привлекательным ставкам и могут передавать экономию от этих ставок заемщикам. Но, например, для беднейших государств-участников АБИИ его ставки все равно слишком высоки.

Есть и иные проблемы.

В частности, Новый банк развития так и не смог запустить фондирование на рублевом рынке.

Кредитование заемщиков в рублях станет возможным тогда, когда Новый банк начнет размещаться на российском рынке.

Думаю, все мы понимаем причины, по которым пока, к сожалению, здесь результатов нет.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Заключительный вопрос. Семенихин Вячеслав, пожалуйста.

СЕМЕНИХИН В.А.

генеральный директор ООО «Пальмира Биофарма»

Семенихин В.А.: Добрый день, коллеги!
Во-первых, Сергей Иванович, спасибо за Ваш доклад.

Мне кажется, он очень хорошо дополняет то, о чем говорил Антон Данилов-Данильян.

Потому что Антон разобрался в институтах развития в России, а Вы дали международный анализ.

И Вы начали с денег.

Это то, чего мне лично не хватало в докладе Антона.

В чате очень много комментариев, что деньги – это не важно, давайте это все как-то обсуждать без денег.

Насколько важно учитывать при развернутом анализе институтов развития в России именно объемы денежных потоков?

При всей сложности этой инфраструктуры и вариантов.

Сергей Иванович, я бы хотел, чтобы, когда говорим про Россию, мы больше попробовали учитывать деньги.

Шаталов С.И.: Я могу высказать только свою личную точку зрения.

Она может не совпадать с мнением многих российских экспертов.

Мне тоже не хватает финансовой статистики по российским институтам развития.

В Высшей школе экономики я читаю курс лекций для магистрантов по теме моего сегодняшнего выступления. И 90% моей статистики – международная.

Мне остро не хватает российской статистики.

«Старые» МБР обладают важным конкурентным преимуществом: они раскрывают огромное количество статистики.

В частности, вся документация по всем проектам Всемирного банка, начиная с его самого первого проекта (1947 год), представлена на его сайте.

Ее можно скачать, базы проектных данных Всемирного банка находятся в публичном доступе.

Да, еще раз повторю, российской статистики мне тоже не хватает, согласен.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, перейдем к третьему докладу.

Доржиева Валентина Васильевна расскажет о роли финансовых институтов развития в решении задач структурной модернизации и инновационного развития российской экономики.

Валентина Васильевна, Вы сейчас находитесь в Монголии?

Доржиева В.В.: Да.

Тосунян Г.А.: Тем не менее Вы согласились принять участие в нашем заседании. Спасибо.

Прошу Вас, Валентина Васильевна.

ДОКЛАД 3

ДОРЖИЕВА В.В.

к. э. н., заведующий центром инновационной экономики
и промышленной политики, ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН

РОЛЬ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Большое спасибо, Гарегин Ашотович.

Попытаюсь вернуться к российской практике.

Финансовые институты развития получили распространение в середине «нулевых» годов и стали широко применяться в практике поддержки инновационного развития и реализации крупных инновационных проектов.

После выступления первого докладчика важно отметить, что каждый институт развития, на мой взгляд, выполняет свою определенную функцию. Каждый в той или иной степени направлен на обеспечение экономического роста, диверсификацию национальной экономики и ее технологическое обновление с использованием механизмов государственно-частного партнерства.

Отличительным признаком финансовых институтов развития является наличие заданных стратегических целей. Эти цели должны играть определенную роль при оценке эффективности проектов и принятии решения о целесообразности их финансовой поддержки.

Впрочем, об этом коллега из Фонда поддержки промышленности уже сказал.

Хотелось бы еще отметить, что некоторые финансовые институты в настоящее время выступают в качестве операторов мероприятий государственных программ и национальных проектов, являющихся, по сути, основными инструментами реализации государственной экономической политики по обеспечению структурной модернизации и технологического суверенитета.

Мы попытались в рамках своих исследований собрать такое комплексное определение институтов развития.

И в этой связи я могу представить то, что мы понимаем под термином «институты развития».

Это специальные организации, создаваемые в качестве инструментов:

- экономической политики государства в различных ее направлениях;

- непрямого воздействия на предпринимательский сектор и общее состояние экономической среды наряду с инструментами прямого воздействия (субсидиями, дотациями, прямым финансированием и другими);

- обеспечения экономического роста, модернизации, привлечения инвестиций в приоритетные отрасли и решения проблем, связанных с «провалами» рынка.

Институты развития можно классифицировать по различным основаниям:

- в зависимости от того, кто является инициатором их создания (например, государственные и частные, федеральные и региональные);

- по характеру деятельности и форме участия (финансовые и нефинансовые);

- по целям и приоритетам создания (содействие экономическому росту, поддержка отдельных отраслей, стимулирование инноваций, поддержка экспорта, поддержка предпринимательства, развитие территорий и инфраструктуры);

– по вкладу в развитие национальной экономики и так далее.

Сложившаяся к настоящему времени разветвленная сеть различных финансовых институтов развития создавалась в разное время (начиная с конца 90-х годов прошлого века) и под разные задачи.

На начальных этапах, в условиях ограниченности ресурсов и отсутствия необходимых компетенций, они создавались достаточно стихийно. Не было четко сформулированного видения и конкретных программ вклада подобного инструмента в реализацию долгосрочных приоритетов страны.

Первоначально такие институты создавались не столько для самого развития (то есть изменения качества российской экономики), сколько для решения прикладных задач удержания экономики от краха.

И только по мере выхода из трансформационного кризиса задачи институтов развития стали артикулироваться как задачи развития, то есть не только изменения темпов экономического роста, но и придания ему нового качества.

Мы попытались сгруппировать институты по функциональному назначению с точки зрения деятельности, которая ставилась им целью.

Основные задачи, возлагаемые на финансовые институты развития в рамках реализации государственной политики, направленной на осуществление структурной модернизации российской экономики, мы можем сгруппировать следующим образом:

1) прежде всего это инвестиционное обеспечение и институциональная поддержка ключевых с точки зрения

модернизации и обеспечения устойчивости экономического роста сегментов экономики;

2) преодоление «провалов» рынка, ограничивающих инновационную активность национального бизнеса;

3) создание и развитие экономической (энергетика, транспорт, логистика, коммуникации) и социальной инфраструктуры;

4) сглаживание диспропорций пространственной структуры российской экономики.

Сегодня при обсуждении региональных институтов развития этот аспект тоже упоминался.

Изначально планировалось, чтобы мы рассмотрели на сегодняшнем заседании тему оценки эффективности.

Поэтому я хотела поделиться нашим опытом оценки деятельности институтов развития к тому моменту, когда в 2020 году правительством России была объявлена реформа институтов.

Отмечу следующее.

В настоящее время, сколько бы я ни пыталась актуализировать историю, у меня не получилось.

Продолжают отсутствовать комплексность и единые подходы к оформлению результатов деятельности институтов развития.

Более того, часть информации просто стала закрытой. Если в 2020 году какие-то отчетные данные или годовые отчеты имелись в открытом доступе, то сейчас их найти очень сложно.

Это не позволяет объективно оценить эффективность деятельности практически каждого института развития, даже успешно работающего.

При этом нужно учитывать, что каждый институт развития формирует собственный стандарт выходных данных.

Этот стандарт не всегда позволяет увидеть и оценить необходимые ключевые показатели эффективности с точки зрения экономического содержания понятия «эффективность финансовых институтов развития».

Тот анализ, который мы получили в 2020 году, указывает на отсутствие сбалансированности и несоответствие документов единым критериям.

Поэтому было очень сложно проанализировать и получить универсальные данные для того, чтобы оценить эффективность даже по ключевым показателям бюджетной поддержки институтов развития в зависимости от социально-экономических приоритетов.

Таким образом, определение сильных и слабых сторон российских институтов развития представляет значительную сложность.

Тем не менее мы попытались сгруппировать общие показатели по тем институтам развития, которые занимались на тот момент поддержкой инновационного развития.

При оценке эффективности институтов развития нами учитывались результаты:

- по обеспечению оптимального соотношения собственного и привлеченного капитала на основе использования эффективных механизмов, управленческих, финансовых и иных инструментов;
- по организации и содействию реализации инновационных проектов, соответствующих требованиям общественного развития;
- по воздействию реализуемых инвестиционных проектов на социально-экономическое развитие страны и ее регионов.

На тот момент система стратегического планирования не позволяла сделать корректный вывод о вкладе ключевых институтов развития в экономику государства.

В связи с этим было проведено сопоставление соответствия текущей деятельности институтов развития целям и задачам государственной политики в инновационной сфере.

В том числе целям и задачам, закрепленным в федеральном законодательстве и документах стратегического планирования: стратегиях, государственных программах и национальных проектах, действовавших в тот период.

Анализ данных показал, что общий объем финансирования инвестиционных проектов, выполненный финансовыми институтами развития в период с 2009 по 2018 год, превысил 6 трлн руб.

В том числе инновационных проектов – 1,7 трлн руб. Поддержано было 36 тысяч инновационных компаний.

Выручка получивших поддержку инновационных компаний за этот период составила около 3,9 трлн руб.

По сути, инновационными компаниями была получена выручка в два раза больше, чем они получили средств в качестве поддержки.

Поэтому тогда мы сделали вывод, что финансовые институты развития обеспечили возможность реализации инвестиционных проектов.

Результат был получен.

Важно также отметить, что по мере выхода российской экономики из кризиса задачи структурной модернизации стали четко позиционироваться в приоритетах деятельности финансовых институтов.

Прослеживается ориентация на широкое использование различных механизмов, на поддержку высокотехнологичных и наукоемких проектов в промышленной сфере.

Наблюдается устойчивая тенденция к увеличению как объемов ресурсов, направляемых государством институтам развития, так и поддерживаемых ими проектов.

Однако, когда сложились условия, которые привели к замедлению темпов экономической динамики, ухудшению геополитической обстановки, введению санкций, нарастанию экономических шоков, вызванных пандемией ковида и ситуацией на мировых рынках энергоносителей, существующая система оказалась недостаточно эффективной.

И оказалась слабо сопряженной с решением задач государственной политики, что стало причиной решения правительства о реформе институтов развития, их подчинении правительственной схеме планирования для достижения национальных целей.

Была ликвидирована конкуренция части институтов с коммерческими компаниями.

В системе отобранных нами в 2020 году институтов развития были обнаружены недочеты, несовершенства, которые повлияли на сокращение планируемой эффективности.

Сегодня уже говорилось о том, что Счетная палата несколько раз проводила проверку деятельности институтов развития, когда рассматривался вопрос об их реформе.

В частности, были выявлены дублирующие функции.

И в рамках реформы предполагалось, что те мероприятия, которые правительство планирует провести для оптимизации деятельности институтов развития, должны повысить экономическую отдачу от расходов институтов.

Плюс должны быть устранены дублирующие функции.

Хотелось бы обратить внимание на то, что одной из основных базовых проблем при повышении эффективности деятельности институтов развития является расширение сферы их деятельности.

При безусловной значимости поддержки инновационных проектов, реализуемых в высокотехнологичных сферах, важно учитывать, что рост совокупной эффективности производительности труда не есть лишь результат развития высокотехнологичного сектора.

Не менее важно, на наш взгляд, понимать с точки зрения государства, когда институт развития уже реализовал свою функцию.

Если он создавался для преодоления «провалов» экономики, то когда эта задача решена, нужно вовремя переоценивать деятельность этого института.

И, соответственно, либо определять какие-то другие цели, либо идти по пути передачи функции другому институту.

По сути, проблемы институтов развития я озвучила, рассказав, как на сегодня изменились их цели и приоритеты после изменения регуляторики.

В принципе, мы имеем сегодня два нормативных документа, которые вновь меняют приоритеты деятельности институтов развития.

Речь идет о федеральном законе «О технологической политике в Российской Федерации» и Концепции технологического развития.

Необходимо отметить, что даже в определении института инновационного развития эти два документа дают разные нормативные трактовки.

Правительство вводит некую некорректную формулировку, даже дает разные перечни в составе нормативного документа.

И мы видим, что они различаются как в количественной, так и в содержательной части.

На примере этих совершенно новых нормативных документов можно увидеть, что новые приоритеты и роль финансирования в части проектов технологического суверенитета также меняются.

Тем не менее полномочия институтов развития благодаря этим нормативным документам расширились.

В качестве заключения тезисно обобщу проблемы современных институтов развития.

Сохраняющиеся проблемы результативности деятельности институтов развития.

- Стратегические направления деятельности финансовых институтов развития (ИР) и их портфельные инвестиции в целом соответствуют национальным целям и приоритетам развития.

ИР выступают в качестве операторов мероприятий государственных программ Российской Федерации, являющихся основными инструментами реализации государственной политики по направлению «Инновационное развитие и модернизация экономики» и национальных проектов.

Вместе с тем целевые стратегические ориентиры сложно оценить, так как единой стратегии деятельности институтов развития, где они были бы определены, до сих пор нет либо она отсутствует в открытом доступе.

- Задача построения национальной инновационной системы «замкнутого цикла» остается нерешенной. Приходится констатировать, что настройка «инновационного

лифта» продолжает находиться на этапе становления, имеются только отдельные примеры перехода компаний от одного ИР к другому.

На основе анализа деятельности ключевых финансовых ИР, на которые делалась ставка с точки зрения активизации процессов структурной модернизации, инновационного развития и импортозамещения, сделан вывод о том, что до сих пор ИР были непродуктивны, а реализуемые ими инновационные проекты буксовали, в том числе в результате наличия разрывов в связке между наукой и промышленностью.

- Предполагалось, что происходящие в настоящее время изменения в технологической политике страны позволят «ВЭБ.РФ» и другим финансовым ИР использовать собственные инвестиционные ресурсы, управленческие навыки, финансовую и экспертную поддержку других институтов, а также государственное финансирование для решения научно-технологических задач, определенных стратегиями и отраслевыми государственными программами.

Однако, согласно информации от Торгово-промышленной палаты России, за два года реализации нового механизма общий объем инвестиций в рамках таксономии, направленных на реализацию мегапроектов, составил только 315 млрд руб. вместо 5–10 трлн руб., ожидаемых «ВЭБ.РФ», и 10 трлн руб., ожидаемых Банком России и Минэкономразвития РФ.

У меня все. Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, я хочу напомнить, что слайд, на котором больше 20–30 слов, трудно воспринимать.

Слайд – это не текст в книге, который слушатели должны прочитать. Слайд – это визуальная информация, на которой может остановиться взгляд.

Поэтому не думайте, что большое количество слов на слайдах – это источник передачи большого объема информации.

Это просто на будущее, ко всем выступающим.

Пожалуйста, коллеги, вопросы к Валентине Васильевне.

Если вопросов нет, мы можем перейти к обсуждению.

И в рамках обсуждения первым участником вполне заслуженно может быть Игорь Логинов, потому что он заранее записался с темой «О некоторых проблемах деятельности институтов развития и принципах их работы».

ДОКЛАД 4

ЛОГИНОВ И.Э.

заместитель директора департамента по работе с органами государственной власти и общественными организациями Ассоциации российских банков

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ И ПРИНЦИПАХ ИХ РАБОТЫ

Антон Викторович в своем докладе рассказал о положительном опыте взаимодействия с институтами развития.

К моему сожалению, мой скромный опыт взаимодействия с институтами развития несколько другой.

У меня есть несколько примеров как неэффективной, так и вредной поддержки со стороны институтов развития.

Хочу о некоторых из них рассказать.

А также поделиться теми выводами о принципах работы институтов развития, к которым мы пришли вместе с коллегами.

Конечно, никакие принципы не обеспечат стопроцентного успеха, но значительную его часть могут обеспечить.

Это как раз отмечал и Антон Викторович.

Я хотел бы поговорить о микрофинансировании.

Термин «микрофинансирование» был введен в широкий оборот Мухаммадом Юнусом, бангладешским экономистом и основателем «Grameen Bank».

В 2006 году Юнус был удостоен Нобелевской премии мира с формулировкой «За усилия по созданию основ для экономического и социального развития снизу».

По сути, микрофинансирование представляет собой выдачу небольших кредитов самым уязвимым слоям населения.

Всем интересующимся темой микрофинансирования могу рекомендовать книгу Мухаммада Юнуса «Создавая мир без бедности».

В 2008 году он посетил Москву.

А 6 августа 2024 года Мухаммад Юнус был назначен главой временного правительства Народной Республики Бангладеш.

Тосунян Г.А.: Игорь, извини, перебью.

Юнус как раз в год посещения России выступал у нас на съезде Ассоциации российских банков.

У нас с ним были и личные встречи.

Действительно, он очень содержательный человек.

Логинов И.Э.: Я, к сожалению, этого не застал.

Человек действительно выдающийся.

Может быть, его как-нибудь на «Рабочий завтрак» пригласить, когда он перестанет возглавлять временное правительство?

Тосунян Г.А.: У него жена, кстати, русская. И дочка русскоговорящая, она выступала тогда переводчиком. Так что пригласить его на наше мероприятие вполне реально.

Логинов И.Э.: Вернусь к теме микрофинансирования.

Очень важно, что микрокредиты по модели Юнуса выдаются по гуманным ставкам.

Вообще, мы можем микрофинансирование рассматривать в широком смысле слова. И тогда понимать под этим любые небольшие займы или кредиты.

А можем рассматривать в узком смысле, как это делал Юнус.

И один из его критериев – это небольшие ставки.

У него были и другие особенности, но это отдельная тема.

Фактически речь идет о социальном кредитовании.

Ставки банковского кредитования в Бангладеш в 2015–2025 годах составляли от 10% до 15%.

Это соответствует ставкам банковского кредита малому бизнесу в России 2020–2022 годов.

А ставки микрокредитования, которые использовал «Grameen Bank», колебались в пределах 20–24%.

Альтернативные инструменты типа ростовщичества – это 300% годовых и выше.

Теперь перейду ближе к нашей теме.

В 2010 году в России был принят федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

И с этого момента начинают создаваться государственные микрофинансовые учреждения.

Государственное микрофинансовое учреждение – это микрофинансовое учреждение, одним из учредителей которого является субъект Российской Федерации или муниципальное образование.

Они создаются для предоставления микрозаймов целевым группам заемщиков на льготных условиях.

Целевая аудитория – это бизнес, который не может получить кредит в банках.

Вообще, когда мы говорим о микрофинансировании, мы должны понимать, что есть займы населению и займы бизнесу.

Мы будем говорить исключительно о займах бизнесу.

К 2020 году в каждом регионе Российской Федерации была создана хотя бы одна государственная микрофинансовая организация.

А к 2023 году уже действовало 130 государственных микрофинансовых организаций.

Как я сказал, целью их деятельности является предоставление льготных микрозаймов предпринимателям, которые не могут получить банковский кредит на свою деятельность.

Государственные микрофинансовые организации – это институты развития.

Можно этот тезис обосновывать.

Но, вообще говоря, они проводят определенную политику по обеспечению доступа малых предпринимателей к льготным заемным ресурсам.

В своем телеграм-канале генеральный директор Корпорации МСП Исаевич Александр Игоревич сообщил, что выдано 10 млрд руб. микрозаймов по льготным ставкам.

Предприниматель получает более дешевые микрозаймы, это хорошо.

Но эта ставка – 7,3% – в 2–3 раза ниже ставки по банковскому кредиту.

Об этом прямо сообщает господин Исаевич.

Казалось бы, что в этом плохого? Предприниматель получил сверхдешевый микрозайм.

Но почему же все-таки Мухаммад Юнус настаивал, что стоимость микрозайма должна быть выше стоимости банковского кредита на 10–15 процентных пунктов?

И почему «Grameen Bank» действительно выдавал микрозаймы с таким десятипроцентным превышением?

Так как у нас многопрофильный совет и наши участники являются и социологами, и психологами, и философами, то тут я блесну эрудицией и продемонстрирую действие закона перехода количества в качество.

Представим себе ситуацию, что у нас нет микрофинансовой организации, и оставим в стороне банковских заемщиков.

Считаем, что предприниматель не может получить банковский кредит.

Куда такому предпринимателю обратиться за займом на развитие бизнеса?

Он может занять у друзей либо обратиться к ростовщикам.

И вот у нас появилась государственная микрофинансовая организация.

И какая-то часть предпринимателей обращается в нее и получает микрозайм – условно, по ставке 80%.

Притом что банки выдают кредиты по ставке 20%.

Конечно, это дорого для предпринимателя. Предприниматель плачет. Многих это отпугивает, и они не берут такой дорогой заем.

Но кто-то берет.

И он выигрывает от этого, так как получил возможность, которой у него раньше не было.

Государственная микрофинансовая организация начинает расширять поддержку и снижает ставку микрозайма до 60%, а потом и до 30%.

Предприниматель, очевидно, доволен. Совсем недавно он вообще не мог занять деньги.

Потом у него получилось занимать деньги под 80%, а теперь он занимает под 30%.

Отлично.

Но государственная микрофинансовая организация не останавливается и хочет еще больше принести добра предпринимателю.

И она снижает ставку микрозайма ниже ставки банковского кредита, до тех же 7%, о которых говорил Александр Игоревич, или до 9–10%.

В этой ситуации, казалось бы, предприниматель должен радоваться еще больше.

Но на самом деле он впадает в депрессию.

Потому что, когда он приходит в микрофинансовую организацию за этим 7%-ным займом, ему объясняют, что до вас зашел предприниматель, который долгое время кредитовался в банке под 15%. И когда мы выдавали микрозаймы под 30%, у этого банковского клиента не было никакого стимула обращаться к нам.

А теперь вместо вас – не очень качественного заемщика – пришел классный банковский заемщик.

И с хорошим обеспечением.

И то, что планировали выдать вам, мы выдали этому замечательному банковскому заемщику.

Просто потому, что он более надежен, чем вы.

Снизив ставку микрозайма ниже ставки банковского кредита, мы «выплеснули с водой ребенка».

Мы создали стимул для качественных банковских заемщиков обращаться за этими льготными микрозаймами.

Поскольку банковских заемщиков гораздо больше и они более финансово устойчивы и надежны, чем

заемщики, которые не могут получить банковский кредит, именно надежные банковские заемщики и получают львиную долю льготных микрозаймов.

А целевая аудитория микрофинансовых организаций, состоящая из заемщиков более низкого качества, будет лишена возможности привлечь микрозайм, как было и до создания государственных микрофинансовых организаций.

Если говорить о масштабах, то на государственные микрофинансовые организации сегодня приходится половина микрозаймов бизнесу.

Пять-шесть лет назад приходилось 80%.

Поэтому говорить о том, что это какой-то незначительный фактор, не приходится.

Мне хотелось бы перейти еще к проблемам, о которых мы уже немного говорили. В частности, к конкуренции институтов развития с рыночными участниками, что ведет к выхолащиванию сути институтов развития за счет замещения целевых клиентов.

Но, так как времени у меня уже не осталось, то я на этом закончу.

Возможно, у вас будут вопросы. И я смогу, отвечая на вопросы, как-то продолжить эту тему.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Хорошо. Спасибо.

Слово Ивану Михайловичу Бортнику.

Пожалуйста, Иван Михайлович.

БОРТНИК И.М.

д. т. н., проф., Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, советник

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Одно общее замечание, скорее даже рекомендация.

Сегодня обсуждается широкий круг вопросов.

От институтов развития до микрофинансирования и высоких технологий.

Каждый блок заслуживает, на мой взгляд, отдельного обсуждения, а не все вместе в пределах одной встречи.

Главное, я хотел бы, честно говоря, выразить большой респект Денису Валентиновичу Мантурову.

Фактически это сегодня единственное министерство, которое и когда он его возглавлял, и сегодня продолжает оставаться структурой, оказывающей поддержку развитию новых технологий (можно называть их инновациями) и развитию промышленности.

Потому что у нас такого органа давным-давно не было.

Министерство очень правильно делает, когда софинансирует проекты или даже полностью финансирует их, передавая при этом часть своих средств в Российский научный фонд, доверяя принятие решений представителям фундаментальной науки.

Конечно, под решение конкретных промышленных задач, под специфические проекты, в которые уже завязана наша фундаментальная наука.

Наш Фонд содействия инновациям (ФСИ) проводит целый ряд проектов за счет средств Минпромторга по станкостроению, по электронике, по здравоохранению, но

на финансирование того, что свойственно характеру деятельности малых технологических предприятий.

Это такая целевая функция министерства, которую оно само на себя взяло.

Я считаю, это хорошая роль.

Это то, что я хотел сказать про министерство.

Теперь – про Фонд развития промышленности.

Я не знаю имен безымянных героев, которые в свое время привлекли внимание Дениса Валентиновича Мантурова к Российскому фонду технологического развития.

Это точно был не я.

Но, когда это внимание было привлечено, он провел просто блестящую, с моей точки зрения, двухходовку и создал Фонд развития промышленности на базе Российского фонда технологического развития (РФТР).

И это здорово.

Сегодня из нашего опыта взаимодействия с солидными предпринимателями, выручка которых достигает миллиарда рублей, мы знаем, что они уже, конечно, не используют какие-то хитрые механизмы, чтобы прийти в наш фонд за 30–40 миллионами.

Потому что им нужны существенно большие деньги.

Они идут в Фонд развития промышленности (ФРП).

И я не знаю случаев, когда кто-то был недоволен деятельностью этого фонда.

ФРП занял нишу достаточно крупных финансовых вложений.

По моей информации, в основном это сотня миллионов и даже больше.

Поэтому у ФСИ остался наш блок – содействие развитию инноваций на их начальном этапе.

Нам в этом смысле здорово полегчало.

Тем более, как я уже сказал, малые предприятия могут работать для станкостроения, микроэлектроники, малотоннажной химии, малотоннажного производства новых материалов.

Минпромторг направляет нам свои деньги, определяет номенклатуру, что им интересно в части того, что могут сделать малые компании на начальной стадии своего развития, когда выручка у них еще до сотен миллионов рублей.

По нашим малым предприятиям вообще граница выручки – 800 млн руб.

Поэтому здесь, я считаю, все организовано очень здраво.

Но есть давнишняя серьезная нерешенная проблема.

И это не проблема ФРП. Это больше проблема государства.

Чего не сделал Денис Валентинович – он не взял организационную основу функционирования Российского фонда технологического развития.

РФТР никакого отношения не имел к государственному бюджету.

ФРП сегодня наполняется государственным бюджетом.

РФТР последние 15–20 лет был как умирающий лебедь. Егор Тимурович Гайдар пытался все время его урезать.

Фонд поддерживал работы, которые велись за счет средств самой промышленности.

Вот этот источник средств самой промышленности на научно-технологическое развитие Егор Тимурович сознательно вырезал.

Соответственно, вырезались (а чаще и сами «вымирали») и получатели средств от этой промышленности, институты промышленности – отраслевые институты.

А РФТР для решения межотраслевых задач технологического развития наполнялся отчислениями из отраслевых единых (централизованных) фондов развития науки и технологий (ЕФРНТ, ЦФРНТ).

Это не были государственные средства, это была небольшая часть (до 3%), оставляемая государством в распоряжении отраслей для их научно-технологического развития на базе заработанных ими средств.

Сейчас, конечно, огромный вопрос, как собрать в единый фонд отрасли промышленности средства часто очень крупных (и не только) ее предприятий для финансирования развития науки и технологий этой отрасли.

Надежды на добровольную сознательность или «на жизнь заставит» (лозунг Егора Тимуровича) пока не очень срабатывают.

А отраслевые министерства не финансируют никакую науку.

И когда министр энергетики отослал меня с проектами, которые мы не можем поддержать по разным причинам, к своему первому заму, тот ответил, что в министерстве на науку денег нет «от слова совсем».

Да и для предприятий вроде бы этой же отрасли у них нет сегодня юридического механизма «принуждения».

Единственное ведомство у нас в стране сегодня, которое имеет отраслевые отделы – машиностроения, электроники и так далее, – это Минпромторг.

Поэтому в стране эта проблема остается.

Финансирование научно-технологической деятельности у нас в стране пока где-то 1,2–1,23% от ВВП. Но в них доля государства – подавляющая.

И как сделать, чтобы доля промышленности поднялась с 0,28% (не более 0,3%) до того, что необходимо (порядка 1%), пока никто не знает.

То есть проблема источников средств так и не решена.

Но тогда у имеющихся источников средств абсолютно ненормальная конкурсность по ним.

Например, если еще 20 лет назад мы отбирали для финансирования одну заявку из трех-четырех, то сегодня мы выбираем одну из тридцати.

Вот такая конкурсность.

И, честно говоря, многие заявки – это, я бы сказал, не государственный уровень.

Это отраслевой уровень.

Но, к сожалению, в отрасли средств на развитие нет...

Механизм функционирования типа ЕФРНТ, ЦФРНТ почему-то никто в России не хочет запускать.

Может быть, потому что действительно пропали сами институты промышленности.

Гарегин Ашотович, Вы же знаете прекрасно институты в электротехнике.

И нужны институты для трансформаторостроения, и двигателестроения, и машиностроения, и электроники, и так далее. Но их нет.

Поэтому хорошо, что появились частные компании.

Многие из них подросли до такого уровня, что идут в ФРП и получают там очень хорошую поддержку.

Но это уже серьезные частные институты.

Они не отраслевые, но работают на отрасль.

А отрасль, как правило, не очень заинтересована
иногда в них вкладываться.

И они идут в государственную структуру.

Вот то, что я хотел сказать в качестве комментария.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Иван Михайлович.

СЕМЕНЯКА А.Н.

К. Э. Н.

Уважаемый Гарегин Ашотович, уважаемые участники «Рабочего завтрака»!

Спасибо за возможность выступить и за то, что подняли тему институтов развития.

Я хотел бы сделать некоторые комментарии, исходя из своего опыта работы в Агентстве по ипотечному жилищному кредитованию.

АИЖК оказалось на стыке нескольких отраслей, поэтому у нас было несколько стейкхолдеров.

С одной стороны, это нуждающиеся в доступном жилье российские граждане.

С другой стороны, это все-таки жилищное строительство, которое дает мультипликатор в экономике, что тоже интересовало Минэкономразвития.

Общественность ожидала быстрого снижения процентных ставок.

А мы, если честно, больше фокусировались на развитии конкуренции, которая привела бы к снижению ставок рыночным методом.

На основании опыта АИЖК я бы сказал, что все-таки, наверное, важной функцией было именно развитие рынка и нас как института развития вместе с этим рынком.

Что я под этим имею в виду?

Мы начали со стандартов, когда были споры – развивать валютную ипотеку или рублевую ипотеку, применять фиксированные или плавающие ставки...

Был уже и опыт развития в регионах ипотеки по типу ссудо-сберегательных касс, и опыт выдачи валютной ипотеки банком «ДельтаКредит».

Надо было принять решение.

И появился стандарт, по поводу которого было много споров.

Стандарт – это набор требований к условиям и сами типовые договоры в отношении выдачи кредитов и их сопровождения.

Сначала мы пробовали с помощью административного ресурса как-то закрепить этот стандарт. Но потом мы выставили оферту на покупку стандартных закладных и через договоры стали исполнять свою оферту.

Другими словами, мы стали внедрять стандарт рыночными методами.

Мы, конечно, потратили много времени на обучение этому стандарту органов регистрации, чтобы стандартные закладные в итоге они стали регистрировать за 3 дня вместо 30.

Это создало большую скорость оборота.

В результате небольшие региональные банки стали эффективно конкурировать с госбанками.

Они стали зарабатывать с оборота.

Я помню данные по «Примсоцбанку», озвученные на совещании в Дальневосточном федеральном округе в 2004 году: тогда он выдал 80% всех ипотечных кредитов.

И никто не понял, почему «Примсоцбанк» выдал столько кредитов, а «Сбербанк» – 20%. А такого результата удалось добиться именно благодаря технологичности этого стандарта.

Мы начали со стандартов и инфраструктуры, это был первый этап.

Второй этап.

Поскольку не было рынка, мы сами стали фокусироваться на очень консервативном стандарте, по которому были низкий риск и низкая процентная ставка.

И агентство поддерживало данный стандарт через рефинансирование – сначала через выкуп пулов закладных, потом через выкуп ипотечных облигаций.

Мы оставили участникам рынка место для более высокого риска и более высокодоходных кредитов с маленьким первоначальным взносом.

Где-то к 2007–2008 годам участников стало много, и первичный рынок стал конкурентным.

Конкурентный рынок в теории – это когда больше 5 участников, и никто на нем не доминирует.

Поэтому АИЖК приняло решение развивать вторичный рынок.

И больший акцент мы стали делать не на выкуп кредитов в пулах, а на выкуп ценных ипотечных бумаг, которые являлись производными от ипотечных кредитов.

Ближе к 2014 году, когда многие банки стали выдавать ипотечные кредиты, мы вообще хотели уйти в следующую производную – выступать гарантами по этим ипотечным облигациям.

Потому что по мере развития рынка объем наших займов для того, чтобы мы привлекали деньги с рынка и выкупали и эти кредиты, и все больше – облигации, уже становился большим.

И мы стали получать замечания от Министерства финансов, что не даем им «чистый» рынок.

То есть мы мешаем их заимствованиям.

Потому что рейтинг по ипотечным облигациям был очень близок к уровню суверена, а доходность по ипотечным облигациям была выше.

Наши ипотечные облигации стали мешать Минфину, и АИЖК хотело уйти уже на роль гаранта по ипотечным облигациям.

Завершая свое выступление, отмечу, что у института развития есть жизненный цикл.

И наверное, он должен эволюционировать.

По опыту АИЖК, мы пытались эволюционировать в производные инструменты.

То есть мы начали с кредитов, а потом была ипотечная облигация, производная от кредитов.

И в каком-то смысле мы все время пытались, но боялись быть контрциклическими.

Потому что пока у вас экономическая фаза восходящая, то, в принципе, все хотят на этом рынке работать и делать прибыль.

По идее, агентство тоже должно было зарабатывать прибыль для того, чтобы, когда наступает кризис и участники рынка выжидают, АИЖК могло бы тратить свою прибыль – может быть, на не совсем рыночных условиях – на перезапуск рынка.

Таким образом, будучи контрциклическими, вы выполняете функцию стабилизации рынка.

Если честно, для государственного института развития это очень рискованная тропа.

Потому что потом приходит прокуратура, которая начинает обвинять вас в убытках. Вам грозят уголовные дела.

И как обеспечить защиту контрциклическости, я не знаю.

Контрциклическость института развития – это, по сути, деятельность, напоминающая практику Центрального банка, который предоставляет банкам ликвидность во время кризисов.

Но это – необходимая функция для стабилизации рынка.

Стратегия института развития состоит именно в формировании и развитии рынков.

И последнее.

Я, наверное, обратил бы внимание на то, что стандарты должны быть относительно стабильны.

Потому что много времени надо потратить на обучение.

Как мы видели задачу стандартов?

С одной стороны – распределить риски по цепочке.

Потому что когда у вас рынок потенциально – триллионы, то риск убытков во время кризиса должен быть распределен между большим количеством участников, что повышает надежность системы.

Не концентрироваться в одном месте – ни на государстве, ни исключительно на банках.

А второе – сами стандарты должны быть инклюзивными.

То есть если они понятны, если в них есть экономическая мотивация, то они вовлекают большое количество участников.

И это помогает формированию конкурентной среды.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Не могу удержаться, чтобы не сказать, что Александр Николаевич Семеняка возглавлял этот институт, а Аркадий Владимирович Дворкович был председателем совета АИЖК.

Мое мнение, конечно, субъективное. Но они внушали глубочайшее доверие к тому, что делали, и к той культуре, которую Александр Николаевич (он сейчас

излагал свой алгоритм мышления) реализовывал на практике.

И я понимал, что так оно и есть: там не было лицемерия, не было двойных стандартов. Находясь в составе совета, я видел, что команда делает, что она действительно формирует рынок. Это, к сожалению, не так часто встречается.

Понимаю, что Антон Викторович может сказать, что я обижаю институты.

Но это больше исключение, чем правило. Поскольку с другими институтами я тоже знаком.

И такой культуры в других институтах, откровенно говоря, я не видел. Это пример для подражания, и я очень горжусь, что он есть. И поэтому в данном случае выражаю слова своей симпатии и доверия.

к. филос. н. **КРЖЕВОВ В.С.***

Благодарю за возможность выступить.

Прежде всего хотел бы поблагодарить за обращение к одной из важнейших тем нашего современного существования.

Мне представляется, обсуждение показало, что все участники – и докладчики, и те, кто выступал, – столкнулись с пониманием того, что одна из самых главных проблем – это проблема неоднозначности критериев.

Все, что было сказано и об обратной связи, и о праве на ошибку, и о праве на отказ, и о соотношении экспертных решений и решений управляющих инстанций, – все это, так или иначе, выводит на неоднозначность критериев.

И это – проблема проблем, которая должна решаться социальным знанием, с тем чтобы минимизировать здесь разногласия в понимании.

В этой связи я позволю себе крамольное замечание.

Дело в том, что обращение к проблеме развития сталкивается с очень серьезным вопросом.

Мы так и не можем ответить на вопрос: а что такое развитие, каковы его критерии?

Традиции, которые здесь устоялись, в частности, в связи с философией Гегеля, которая у нас долгое время доминировала, явно на сегодняшний день неудовлетворительны.

Мое выступление сводится к тому, что это проблема открытая.

И нужно продолжать работу в этом направлении.

---

³ Кржевов Владимир Сергеевич – кандидат философских наук, доцент.

Более подробно я свои соображения высказал письменно.

Поэтому еще раз хочу поблагодарить Гарегина Ашотовича за обращение к одной из самых важных проблем современного социального знания.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Геннадий Петрович Аксенов, пожалуйста.

АКСЕНОВ Г.П.

к. г. н., ведущий научный сотрудник отдела истории наук
о Земле Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Если кто не знает, я – историк науки. Ни минуты не экономист.

Тем не менее наше сегодняшнее обсуждение для меня было крайне интересно, потому что в зоне моего внимания как специалиста по истории науки – Владимир Иванович Вернадский.

Я написал его биографию, опубликовал много других книг и статей.

На мой взгляд, это обсуждение является попыткой реализации одной очень важной из его организационных идей.

В 1928 году Вернадский подал записку в Академию наук с таким заголовком: «О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР».

В ней он предлагал создать Институт для исследования естественных производительных сил имени Дмитрия Ивановича Менделеева и описал его задачи, структуру и отношение к органам государственной власти.

Опыт создания такого института у него был, и очень успешный.

Он считал, что в XX веке роль науки резко изменилась: она выходит из области развития научных знаний в сферу широкого их применения.

Для осуществления данной идеи Вернадский в 1915 году предложил Академии наук создать новое учреждение – Комиссию по естественным производительным силам (КЕПС).

Академики поддержали этот замысел и создали ее, избрав Вернадского председателем.

Комиссия начала работать сразу очень интенсивно.

Она объединила ученых, промышленников и правительственные структуры.

Были созданы прикладные направления наук, институты, лаборатории, научные опытные станции, экспедиции по поиску полезных ископаемых.

Мысль Вернадского была гораздо глубже, чем просто использование природных ресурсов.

Он проектировал новые источники энергии: вода, ветер, приливы, подземное тепло, но главное – окультуривание биогеохимических реакций.

Он утверждал, что в биосфере есть все, любые материалы, и их можно производить.

КЕПС успешно развивалась в течение 15 лет, кстати, благодаря В.И. Ленину, который буквально ухватился в 1919 году за эту комиссию.

Большевикам нужна была какая-то экономическая стратегия, которая прослеживалась как раз в планах КЕПС.

Отсюда вырос план ГОЭЛРО, благодаря чему и сама Академия наук сохранилась.

Аналогичная структура была создана в 1916 году в Великобритании. Возможно, они увидели создание КЕПС у союзников и повторили ее в другом масштабе.

В записке 1928 года, о которой я уже сказал, Вернадский предлагал как бы разделить Академию наук на две части.

Одна должна продолжать заниматься фундаментальным – или чистым, как тогда говорили, – знанием.

Другая – прикладными проблемами.

То есть в ней должны работать те люди, которые имеют склонность к практическому применению наук, видят перспективы их приложения к конкретным потребностям народного хозяйства страны.

Вернадский даже описал, как все должно быть организовано.

Институты создаются не по наукам: физике, химии, биологии и так далее. Они создаются по проблемам, которые видит директор института из числа академиков или членов Академии наук.

Раз в два года собирается съезд Менделеевского института под эгидой Госплана.

На нем утверждаются проекты, которые должны финансироваться через Госплан.

То есть Вернадский никак не исключал государство.

Он, кстати, был государственнымником больше, чем кто-либо, потому что точно знал место государства в системе общества.

При том в идее Менделеевского института по исследованию естественных производительных сил содержалась важная составляющая черта: правительство финансирует планы, но в их содержание не вмешивается.

Оно только контролирует расходы, как это обычно делается.

Руководство Академии наук рассмотрело проект Вернадского, одобрило и подало в правительство его брошюру в двух экземплярах.

Оттуда немедленно запросили дополнительно еще несколько десятков. Значит, читали широко.

Судя по дальнейшим развернувшимся событиям, правящая партия и правительство увидели, что ученые в лице Академии наук будут теперь вместо них определять стратегические научные перспективы развития страны.

В январе 1929 года ответ был дан – печально известная «советизация» Академии наук.

И никакого, конечно, нового Менделеевского института.

Более того, сама КЕПС была закрыта, вместо нее учрежден Совет по производительным силам (СОПС), то есть по поиску полезных ископаемых, в тесном сотрудничестве с НКВД, которое превратилось в экономическое ведомство.

В 1931 году было издано постановление правительства о создании научно-исследовательских институтов.

Причем в каких-то немыслимых масштабах вплоть до городских, заводских, ведомственных.

Это было курьезное развитие идеи Вернадского.

Таким образом, идея сама по себе никуда не делась даже до сего дня.

Я вижу ее в этих институтах развития.

СОРИНА Г.В.

д. филос. н., проф.

Большое спасибо, Гарегин Ашотович.

У меня две короткие реплики.

Первое.

Хочу поблагодарить непосредственно Вас и всех докладчиков за очень важную и полезную для меня семинар-встречу.

Почему?

С одной стороны, я занимаюсь проблемами логики и методологии науки.

С другой стороны, я читаю на факультете лекции по теории принятия решений.

Так что это очень полезный для меня материал.

И несомненно, в мой лекционный курс войдут какие-то фрагменты сегодняшней встречи со ссылкой на эту встречу.

Это была первая реплика.

Второе.

Я хотела бы вернуться к своему первому вопросу и продолжить комментарий к выступлению Антона Викторовича, который сказал, что «одни ГИР не понимают другие».

У меня такое вопросительное рассуждение, которое не требует немедленного ответа.

Может быть, они не понимают друг друга, потому что не разработан общий методологический подход к тому, что представляют собой государственные институты развития, и каково место ГИР в системе институтов как таковых?

Мне кажется, отсутствие такого общеметодологического подхода и общеметодологической разработки является причиной некоторых сегодняшних проблем.

Еще я хотела предложить, но меня опередил Александр Николаевич Семеняка, что, конечно, важно было бы проводить какие-то краткосрочные занятия, встречи.

Для того чтобы люди не только могли прочесть, что такое институты, какое место у институтов государственного развития.

Но чтобы занятия проводили профессионалы, эксперты.

Спасибо большое.

ЯРОСЛАВЦЕВА Е.И.

к. филос. н., доцент, старший научный сотрудник сектора философских проблем творчества Института философии РАН

Спасибо большое.

Мне очень приятно быть на заседании такого высоко-профессионального сообщества и сказать несколько слов.

В междисциплинарном сообществе вполне логично утверждать, что науку можно рассматривать как институт развития, имеющий фундаментальные основания.

И в кризисных ситуациях он может достаточно эффективно выстроить новые подходы, найти конструктивные решения.

Во многих выступлениях замечено, что сегодня нет достаточной внутренней координации между используемыми критериями, которая необходима для эффективного взаимодействия и при этом имеет длительный потенциал развития.

В этом случае можно обратить внимание на гуманитарный контекст научных подходов, который традиционно остается за границами внимания многих исследователей и ученых по причине «рыхлости» определений, что не позволяет прийти к однозначным решениям.

Точнее можно сказать, что у нас не хватает гуманитарных критериев, изначально включенных в базу оценочных систем, сопряженных с целевым развитием человека. Они есть, но их недостаточно.

Развитие социальных институтов с расширяющимися функциями не обеспечивает развитие человека. Эти институты не видят в нем потенциал и саморазвивающуюся ресурсную базу, не способны инвестировать в творческую мотивацию человека.

Важно найти новый фокус.

По классификации академика В.С. Степина⁴, в науке рассматриваются три типа научной рациональности: классическая, неклассическая и постнеклассическая. В классической форме человек элиминирован, то есть вынесен за скобки миропонимания. А в постнеклассическом подходе обнаруживается необходимость его включения, поскольку он носитель природного ресурса и реализуется в акте творческого аутопоэзиса⁵.

Постнеклассический подход позволяет работать с ценностными критериями как методологически важными принципами, играющими направляющую роль, где человек ответственно использует свои технические и интеллектуальные ресурсы, а не ждет, когда кто-то вспомнит о его потребностях и произведет компенсирующие выплаты.

Постнеклассика на принципиальном методологическом уровне предназначена осуществлять человекообразный подход, расширяя развивающий потенциал науки в социуме как механизм преобразования научно-образовательных процессов.

Все это уже имело свои предпосылки и особенно настойчиво проявлялось в деятельности как советских, так и европейских ученых-гуманитариев.

В частности, особое внимание надо обратить на понятие «человеческий фактор», которое в XX веке ввел в научный оборот философ, академик РАН Иван Тимофеевич Фролов, указывавший в своих работах, что в науке доминирует сциентизм и ей не хватает гуманитарной направленности⁶.

---

⁴ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 680.

⁵ Варела Ф., Матурана У. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

⁶ Ярославцева Е.И. Цифровая гуманитаристика – тенденции и проблемы // Мифология века НТР: утопия, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки. От Франкенштейна и эликсира бессмертия до «биокиборгов» и «постчеловека» / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2020. 448 с.

В «человеческом факторе» нередко фиксируется отрицательный смысл проявления субъектности как недоработки в области науки, избыточной активности человека.

Но при этом данная категория могла бы быть и крайне необходимой, поскольку несет в себе естественный потенциал как познавательную потребность человека и возможность развития.

Здесь проявился не только фактор развития субъекта, но и феномен «объективации природы», отмеченный советским ученым М.К. Петровым⁷. По существу, при встрече с этой активностью возникает синергийный эффект!

Будучи организатором науки, академик И.Т. Фролов последовательно развивал в программных исследовательских проектах, в частности, в образовании Института человека РАН, практику реализации этико-гуманитарного подхода к использованию результатов научного исследования⁸.

Он вырабатывал принципы социогуманитарной экспертизы.

Сегодня потребность в таком подходе ощущается все острее, и можно считать вполне очевидной потребность опереться на эту связь.

Однако пока нет способности выявлять человека в техносфере, противостоящей привычке вытеснять его, не разработан алгоритм, постоянно соразмеряющий технику с человеком и удерживающий эту тенденцию в условиях постоянного развития интеллекта человека.

---

⁷ Петров М.К. Человекоразмерность и мир предметной деятельности // Человеческое. 2003. № 1.

⁸ Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. И.Т. Фролов о философских основаниях гуманитарной экспертизы // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; М.: ИФ РАН, 2009. С. 86.

В какой-то мере это можно применять при развитии социального субъекта: группы, семьи и так далее.

Термин «большие субъекты» надо закрепить, поскольку мы постоянно говорим про какие-то отдельные группы, игнорируя то обстоятельство, что в основе их коммуникаций лежит интерес.

Причем этот фактор показывает, насколько может человек как субъект с ними соперничать.

Нередко он вообще не может с ними конкурировать, но может находиться только в отношениях зависимости.

И тогда все формы поддержки, в частности, популистские ресурсные действия («вертолетные» деньги) будут изъяты. Они вернутся туда, где ими дистанционно оперируют «большие субъекты».

Именно там, возможно, в наибольшей степени важны принципы опережающих гуманитарных оценок, гуманитарной экспертизы.

В Институте философии РАН в период трансформации институтов Академии наук термин «гуманитарная экспертиза», применявшийся в работе с проблемами в области биоэтики, при создании этических комитетов в медицине, закрепился как научное направление и формат научно-исследовательской деятельности.

А там, как нигде, существует необходимость выстраивать прогноз, предварительно выявляя многообразные риски в области телесных инструментальных вмешательств.

Опора на этические оценки, позволяющая увидеть методику в свете гуманитарных критериев, интереса конкретного человека к сохранению собственной жизни, получения гарантий на ее продление и дальнейшую помощь, чрезвычайно важна.

Здесь мы видим не только биологически значимый фактор риска вмешательства в телесность человека, но и существенные блага: здоровья, гармоничного состояния, целостности индивида, входящие в зону его интереса, которые являются не только индивидуально, но и социально все более важными.

Поэтому если мы могли бы включиться в более подробное обсуждение термина «гуманитарная экспертиза», то, полагаю, можно было бы достичь достаточно хорошего продвижения в понимании его потенциала.

Это важно для всех специалистов междисциплинарного обсуждения, чтобы его участники могли успешно воспользоваться этой терминологией для реализации своих интересов в процессах развития.

Спасибо большое за внимание.

акад. АГАНБЕГЯН А.Г. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

АГАНБЕГЯН А.Г.

акад. РАН, д. э. н.

Аганбегян А.Г.: Всем добрый день!

Очень интересная тема.

Я хочу сказать о результатах деятельности институтов развития.

В конечном счете институты развития нацелены на обеспечение устойчивого социально-экономического роста. А его главным источником, как показали исследования нобелевских лауреатов по экономике 2025 года, является технологический прогресс, характеризующий качество этого роста.

Научно-технологический прогресс основан на инновациях, а по развитию инноваций, их организации и финансированию Россия катастрофически отстает.

Финансирование инноваций, как известно, высокорискованное дело, и поэтому банки здесь играют минимальную роль.

Финансирование инноваций в большей мере осуществляется за счет специальных венчурных фондов, а также за счет средств высокотехнологичных фирм, стремящихся использовать эти инновации для дополнительного развития.

Есть глобальный инновационный индекс, рассчитываемый по 82 показателям.

В международном рейтинге стран Россия здесь занимала 45-е место, а сейчас снизилась на 59-е.

Можно посмотреть по каждому показателю, какое место мы занимаем.

Ведущую роль в инновациях играют крупнейшие фирмы-единороги с капитализацией 1 млрд долл.

В августе 2025 года в мире насчитывалось 1658 таких фирм, в том числе: в США – 741, в Китае – 350, в ЕС – 135, в Индии – 91, в Великобритании – 69, в Израиле – 24.

В России с 2023 года ни одной такой фирмы нет.

В 2014–2019 годах компания «Авито» была единственным единорогом в России.

Причина – отсутствие финансирования для становления фирм-единорогов.

Венчурный капитал в России сосредоточивался у небольшого числа государственных, частных и иностранных фирм.

Он постепенно рос и в 2021 году суммарно достиг 2,3 млрд долл. в сравнении с 300 млрд долл. в США и 130 млрд долл. в Китае.

Однако в 2022 году в связи с началом СВО на Украине понадобились средства. И наиболее крупные фонды были расформированы, а у сохранившихся осталось в 2024 году 91,7 млн долл., которых не хватит на финансирование даже одной фирмы-единорога.

Парадокс заключается в том, что сотни россиян разрабатывают крупные инновации и нацелены на их реализацию. Но для осуществления своей мечты они вынуждены уезжать в другие страны, чтобы найти финансирование.

В итоге, по оценкам экспертов, россияне в США, Великобритании, Германии, Китае, Израиле и ряде других стран создали 38 фирм-единорогов.

Это больше, например, чем в Японии.

Наиболее крупная из этих фирм – компания «Revolut» – создана Николаем Сторонским, выпускником МФТИ, в Великобритании.

Это финансово-технологическая фирма, осуществляющая свою деятельность в десятках стран мира, с капитализацией 75 млрд долл., что почти вдвое превышает капитализацию, например «Роснефти», «Газпрома», «Новатэка».

Объем деятельности «Revolut» продолжает увеличиваться.

Кстати, это самая дорогостоящая фирма-единорог в Великобритании, занимающая 8-е место среди соответствующих фирм мира.

Одним из крупнейших инвесторов фирм-единорогов в мире является Юрий Мильнер, проживающий в Кремниевой долине США, выпускник физфака МГУ.

Он вложил в инновационные фирмы США и Китая около 19 млрд долл., имея собственный капитал 7,8 млрд долл.

А главным всемирно известным специалистом по венчурному капиталу является пожизненный профессор Стэнфордского университета Илья Стребулаев, окончивший Российскую экономическую школу (РЭШ) по программе МВА и возглавляющий исследовательскую, консультативную и образовательную деятельность по этому направлению.

Его книга «Венчурное мышление» два года назад переведена на русский и другие языки.

Упомяну еще Илью Суцкевера, одного из пяти создателей «OpenAI» в качестве главного научного сотрудника, являющегося ведущим идеологом развития искусственного интеллекта. Недавно он выступил с сенсационным заявлением о конце эры масштабирования систем типа ChatGPT и переходе к новой стадии научных исследований и разработок искусственного суперинтеллекта по ключевым направлениям деятельности.

Есть исследования крупнейших частных коммерческих инновационных компаний, у которых НИОКР 34,7 млн евро.

Почему в евро?

Потому что эта работа выполнена организациями Евросоюза.

Таких фирм в мире насчитали 2500 в 43 странах, а в России – только 3: «Группа Илим», «Роснефть» и «Норникель».

Доля России в производстве высокотехнологических товаров и услуг в мире крайне низка – 1,3%. Для сравнения: США – 25%, Китай – 18%.

В России преобладают низкотехнологические товары и услуги, и наша доля в мире – 5,5%, в том числе в топливно-энергетическом секторе мира – 10%.

Удельный вес России в экспорте высокотехнологических товаров – 0,3%, США – 39%, Китая – 21%.

У нас 19 роботов на 10 000 промперсонала. В Южной Корее – 1 014, в других передовых странах – от 200 до 600.

В России 7 суперкомпьютеров. В Китае – 92, в США – 158 из TOP-500.

Напомню, что доля затрат на НИОКР в России – 1% ВВП, увеличение до 2% намечено к 2030 году.

В США сегодня – 3%, в Китае – 2,6%, в Израиле – более 4%.

В СССР эта доля была 3% – наиболее высокая даже в сравнении с развитыми странами.

Можно и дальше перечислять разные показатели, и все они, к сожалению, не в нашу пользу.

Одна из причин столь серьезного отставания России по научно-техническому прогрессу – отсутствие

эффективного руководства наукой, образованием и технологией.

В СССР был Государственный комитет по науке и технике, который возглавляли заместители председателя правительства, всемирно известные академики – В.А. Кириллин, Г.М. Марчук.

А сейчас этим занимается рядовое министерство.

К тому же в 2013 году проведена реорганизация Российской академии наук. В результате научно-исследовательские институты стали напрямую подчиняться не президиуму РАН, а чиновникам из министерства. Произошло огульное включение в состав главной Академии сотен и сотен членов отраслевых академий по сельскому хозяйству и медицине, с резким сокращением численности в науке и объеме финансирования.

Это отбросило назад нашу страну, которая была наряду с США ведущей научно-технологической державой мира. А сейчас переместилась на 10-е место среди крупных передовых стран.

Мне не понравилась высказанная здесь мысль о том, что якобы институты развития созданы потому, что рынок не может решить проблемы самостоятельно.

Получается противопоставление государства и рынка, а не их органическое взаимодействие.

И вот результат.

Давайте задумаемся: за 35 лет в новой России валовой внутренний продукт увеличился на 33%, то есть меньше процента в год.

При этом в 2023–2024 годах в связи с ростом оборонных расходов ВВП вырос более чем на 8%.

Без этого рост был бы 24%.

Если же отвлечься от 12-кратного роста цен на нефть, главный экспортный товар России (с 12 долл. в 1998 году до 95 долл. в 2008 году, что увеличило наш ВВП примерно на 1,5 трлн долл.), то за счет внутренних средств наша страна продвинулась вверх по экономике всего на 10–15%.

За это время ВВП стран Евросоюза увеличился в 1,5 раза, США – в 2 раза, постсоциалистических стран Европы – в 2,5 раза, развивающихся стран – в 3–4 раза, Индии – в 8,6 раз, Китая – в 13 раз.

Почему мы топчемся на месте?

Потому что сформировали неэффективную социально-экономическую систему, которую можно охарактеризовать как государственно-олигархический капитализм с недостроенным рынком и отсталой социальной сферой.

При этом систему без двигателей, толкающих ее вверх.

Мы сформировали убогий рынок без развитого рынка капитала, без расширенного воспроизводства «длинных» денег, с крайне низкой долей инвестиций в ВВП (около 18%) и еще более низкой долей сферы экономики знаний (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) – главной составной части человеческого капитал, доля которой в ВВП позорно низка – 14%, в то время как в Китае удельный вес экономики знаний в ВВП – 22%, в странах ЕС – 30% и выше, в США – 40%.

А ведь вложения в основной и человеческий капитал – главные источники социально-экономического роста.

Ведь эти вложения целенаправленно идут на научно-технологическое перевооружение, обеспечивая инновационное развитие.

При этом у нас не только отсутствует рыночный двигатель экономики – развитый рынок капитала с эффективной конкурентной средой. Но мы отказались также от стратегического пятилетнего планирования, которое около 20 рыночных стран использовали как дополнительный источник развития.

Китай выполняет 14-ю пятилетку, Индия завершила 12-ю пятилетку в 2017 году, Турция завершает 11-ю. Япония и Южная Корея для своего стремительного подъема использовали по шесть пятилетних планов.

Перед нами стоит грандиозная и жизненно важная задача – возобновить значимый и ускоренный устойчивый социально-экономический рост на основе научно-технологического инновационного развития на перспективу.

На это нацелен указ президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2024 года о перспективах развития России на период до 2030 года и до 2036 года.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Абел Гезевич.

В чате Валерий Конявский из МФТИ дал такую оценку Вашему выступлению: «Браво, глубокоуважаемый Абел Гезевич!»

У меня просьба, Абел Гезевич. Когда мы будем составлять сборник по материалам сегодняшнего заседания, пожалуйста, не вычеркивайте из своего текста все то, что Вы сказали. Хорошо?

Аганбегян А.Г.: Я всегда развиваю сказанное и приношу извинения.

Здесь я не могу долго говорить, а там Вы мне даете несколько страниц.

Тосунян Г.А.: Да, там Вы можете неограниченно добавлять. Но просто Вы иногда вычеркиваете самые критические свои замечания.

Аганбегян А.Г.: Надо иногда все-таки сдерживаться.

Тосунян Г.А.: Постарайтесь не сдерживаться.

Аганбегян А.Г.: Наше правительство работает в сложнейших условиях: СВО, а до этого пандемия.

Оно делает все, что нужно.

Мы достигли успехов в борьбе с санкциями, и так далее, и так далее. Грех их критиковать.

Тосунян Г.А.: Мы все любим наше правительство.

Аганбегян А.Г.: На их месте мы вряд ли лучше работали бы.

Я не хочу, чтобы мои слова как-то дискредитировали какую-либо нашу государственную структуру.

Тосунян Г.А.: Тогда Вы просто в свой текст добавьте слова любви к правительству, Абел Гезевич.

И будет некая компенсация.

То, что Вы сейчас говорили, настолько важно! И хотелось бы, чтобы это было все-таки отражено в материалах. Но это, конечно же, на Ваше усмотрение.

Пожалуйста, Лев Московкин, Ваш вопрос.

И далее перейдем к заключительным словам.

МОСКОВКИН Л.И.

Московкин Л.И.: Спасибо большое.

Мой вопрос заключался в том, что прозвучало в Думе от генерала Васильева, руководителя фракции ЕР. Оценки сейчас не только состояния сознания, или сами оценки и сама реальность стала какой-то шизофренической.

Зюганов сказал, что падение до процента. Кто-то другой сказал что-то другое. Васильев требовал пригласить в Думу, чтобы разобраться, академика Аганбегяна. Я сейчас понял, в чем дело.

Тосунян Г.А.: В своем выступлении Зюганов повторил цифры Абеда Гезевича – 30% за 30 лет.

Московкин Л.И.: Все, что прозвучало, – это абсолютно точные объективные цифры.

Но есть и другая сторона реальности, к сожалению.

Например, в 1967 году в СССР свернули все работы по созданию отечественного персонального компьютера.

Были расформированы творческие коллективы, закрыты конкурентные разработки, и было принято решение копировать американскую технику.

В 1950-х годах появилась идея нашего электронного проекта – Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС).

Технический проект ОГАС был представлен в начале 1980-х, но так и не был утвержден руководством СССР.

С 1990-х годов проект ОГАС потерял актуальность в связи с переходом страны от плановых методов управления экономикой к рыночным.

Мы тогда принудительно полностью перешли на рельсы США.

На момент крушения Советского Союза страна была ведущей по биотехнологии.

Дорогостоящее оборудование выбрасывали из окон...

Такое в истории России было много раз.

И Московский университет закрывали – все это было.

У нас просто очень много гениев. Видимо, слишком много, чтобы их ценили и чтобы они сами себя ценили.

Наверное, в этом дело.

А с точки зрения генетики, как я считаю, в России «вывели» высшую расу человека.

Из-за этого в локальных делах, когда можно преодолеть трудности, мы побеждаем.

Потому что с точки зрения эволюции любое развитие – это в том числе и упрощение.

Словом, лишь бы выжить.

Спасибо Вам огромное.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Коллеги, завершаем.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН А.В.

к. э. н.

Спасибо большое всем участникам. Всем, кто задавал вопросы и высказывал свои мнения.

Эта дискуссия обогатила мое восприятие темы.

На чем хочу остановиться и что хочу подчеркнуть в заключительном слове?

Государственные институты развития – это инструменты.

Причем инструменты, как я с самого начала говорил, не макроэкономической, а промышленной политики.

Большая часть проблематики, которая сегодня поднималась в вопросах, в высказываниях, восходила именно к условиям, в рамках которых ведут свою деятельность заявители, и так далее.

Эти условия – предмет макроэкономической политики.

Это не предмет сегодняшней нашей дискуссии.

Жаль, конечно, что в головах многих экспертов до сих пор происходит это смешение.

Очень жаль.

Государственные институты развития не могут ответить на вопрос, почему рождаются те или иные приоритеты.

Они всего лишь помогают реализовывать эти приоритеты путем оказания содействия в создании конкретных проектов.

И когда мы говорим о том, что рынок что-то не может... Тут я совершенно согласен с Абелом Гезевичем: рынок может все.

Но это абстрактная формулировка.

В данной конкретной ситуации рыночные силы не способны справиться с очень многими вызовами.

Почему?

Потому что не промышленная, а макроэкономическая политика была устроена так, что она не создала нужных условий для действия рыночных сил, для появления мощного венчурного капитала и так далее.

Поэтому мы в рамках промышленной политики отталкиваемся от тех условий, которые создала макроэкономическая.

Мы не можем на них повлиять, исходя из задач и инструментов промышленной политики.

Мы всего лишь реализуем приоритеты, которые были сформулированы не нами.

Это первое.

Тема гигантская, тут я совершенно согласен с Иваном Михайловичем Бортником.

Я не сказал, повторю, и десятой части того, что хотел бы сказать, в том числе и про деньги.

Здесь было высказано мнение, что, дескать, я начал с классификации, а надо было начать с денег.

У меня есть отчетные данные многих институтов развития и про их финансирование, и про их результативность.

Но тема широчайшая, в одном выступлении все не охватить.

И уж тем более не надо эту тему выводить в зону вопросов о том, кто формулирует приоритеты, как создаются условия и так далее.

Это точно не тема нашего обсуждения.

Я не буду обращаться к отдельным высказанным в выступлениях новым вопросам.

Но скажу очень важную вещь только об организации принятия решений институтами развития.

Наиболее эффективно это происходит все-таки тогда, когда человек, подписывающий документы о выделении средств, лишь исполняет волю некоторого экспертного сообщества, которое максимально независимо от аппарата института и максимально внимательно следит друг за другом, чтобы не было соответствующего лоббизма.

Тогда это более-менее работает.

Именно эту модель мы заложили в основу способа принятия решений Фондом развития промышленности.

У нас были встречи с господином Рогачевым, который больше десяти лет назад возглавлял Российский фонд технологического развития (РФТР), позже преобразованный в ФРП.

И мы поняли, что модель принятия решений, которая там применялась, никуда не годится.

Она привела фонд к большим убыткам.

В результате мы рекомендовали Д.В. Мантурову как раз ту схему, которая сейчас работает.

Слава Богу, эффект есть.

И последний, очень важный момент.

Мы сознательно отошли от того, чтобы ФРП пополнялся частными деньгами (первоначально в РФТР от разных отраслей шел небольшой процент прибыли предприятий, сформировавший начальный капитал фонда).

В таком случае это обеспечивало бы давление на принятие решений ФРП.

Бюджетные деньги в этом плане гораздо более нейтральны, как ни странно.

Но мы с удовольствием софинансируем проекты вместе с частными фондами (например, ЗПИФами), вместе с частными банками и так далее.

Вот это как раз работает, и работает нормально.

Спасибо всем еще раз.

ШАТАЛОВ С.И.

к. э. н.

Коллеги, огромное спасибо, во-первых, за возможность выступить.

Состоялась очень плодотворная дискуссия.

Гарегин Ашотович, еще раз спасибо за то пространство, которое было дано.

Наверное, главный мой вывод состоит в том, что проблематика российских институтов развития и те темы, которые я постарался в своем коротком выступлении обозначить, во многом очень схожи.

Они перекликаются.

Вызовы, которые были обозначены и которые подчеркивали все докладчики и участники дискуссии, встречаются во многих странах.

Поэтому вывод, наверное, такой.

Практика международных институтов развития, с одной стороны, может дать нам какие-то полезные уроки, которые можно применить в российских реалиях.

С другой стороны, работа международных институтов развития в России с момента перехода к рыночной экономике тоже привела к накоплению очень богатого опыта.

Многие из тех вопросов, которые прозвучали в дискуссии: гуманитарное измерение, институты и так далее – это все также было отражено в проектах, которые реализованы многосторонними банками развития в России.

Поэтому, мне кажется, сопряжение этих двух сфер очень плодотворно.

Еще раз огромное спасибо за приглашение.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Если третий докладчик, Валентина Васильевна, ушла, тогда, Абдусалам Абдулкеримович, скажете нам что-то в заключение?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

В качестве заключения могу только поблагодарить замечательных докладчиков.

Лично для меня состоявшееся обсуждение явилось своего рода семинаром. Я получил представление о том, что такое институты развития в том виде, в каком они сегодня у нас существуют, и более широко – о том, как функционирует современная российская экономика.

Это, как ни странно, оказалось полезным для осмысления своего собственного профессионального статуса как сотрудника научного института.

Ориентируясь на понятие институтов развития в его отличии от макроэкономических государственных институтов в том виде, как это различие было проведено во вступительном слове академика Тосуняна и первом докладе председателя экспертного совета Фонда развития промышленности Антона Викторовича Данилова-Данильяна, невольно стал задумываться: а чем является наш Институт философии?

Чем он является именно в институциональном смысле, рассмотренный с точки зрения того, кем, как и за что он финансируется?

Вопрос состоит в следующем: остается ли он в качестве академического института традиционным надстроечным бюджетным институтом, ценность которого для общества (=государства) состоит в том, чтобы он оставался правильно устроенным и эффективным по критериям самой философии как особого рода духовной деятельности, судить о которой могут только сами философы?

До реформы 2013 года он, как и все институты Российской академии наук, в своей основе таким и оставался.

После этой реформы начался сложный процесс трансформации, в ходе которой поддерживаются не философия как таковая и специалисты в этой области духовной деятельности, как это видится им самим, а конкретные темы и результаты, которые востребованы обществом и могут контролироваться в рамках общепринятых государственных механизмов.

Тут и возникает вопрос о том, как определить, что сегодня востребовано обществом, и как установить нужность и эффективность того, чем занимается институт.

Здесь, возможно, и появляется пространство для институтов развития в том понимании, в котором о них говорил в своем докладе Антон Викторович, подчеркивая, что это инструмент.

Он говорил об институтах развития в промышленности.

А применительно к институционально организованной научной деятельности, в том числе применительно к философии, возможны ли – и если да, то как выглядят – такие современные институты развития?

Здесь есть над чем подумать.

В частности, следовало бы осмыслить новые моменты, которые появились в жизни научных институтов в сложившихся рыночных условиях, такие как научные фонды, эндаументы, попечительские советы, внебюджетные доходы, рейтинги и прочие.

Например, наш академический институт включен как структурная единица в Министерство науки и высшего образования. Он финансируется по конкретным научным темам, утверждаемым самим министерством.

Однако в министерстве нет никаких подразделений и лиц, хоть как-то профессионально связанных с философией. И у меня возникает сомнение, что наш институт в этих условиях в полной мере остается академическим.

В целом, как мне кажется, состоялся очень хороший разговор.

По крайней мере, он хорош тем, что дает, как это уже не первый раз у нас происходит, общую картину именно этого предмета – что такое институты развития и как это выглядит сегодня со всеми особенностями и со всеми возможными недостатками.

Спасибо большое.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович.

Будем завершать. Я немного прокомментирую.

В первую очередь хочу обратить внимание на то, что слишком расширительное толкование институтов развития имеет свои издержки.

Конечно, мы имеем в виду институты развития с точки зрения развития экономики.

Абсолютно согласен, чтобы, допустим, Институт философии рассматривался как институт развития философской науки.

Но в данном конкретном случае, вынося на обсуждение этот вопрос, мы подразумевали институты развития экономики, отдельных отраслей, в частности, отдельных финансовых областей.

Когда я высказывал свои позитивные отклики по поводу АИЖК и Фонда Бортника, то имел в виду вполне конкретные задачи. Те задачи, которые стояли перед государством, перед обществом, перед экономикой, перед финансовым рынком (в частности, перед АИЖК) и которые действительно были прекрасным образом решены. Особенно в контрасте со многими другими задачами.

Мы, конечно, рассматриваем такие институты более узко.

Но даже в таком узком контексте я согласен с тезисом Ивана Михайловича Бортника: это слишком большой круг вопросов. И их невозможно охватить в одном выступлении или в одном обсуждении на Научно-консультативном совете.

Для этого потребуется целая серия подобных мероприятий.

Наша задача состояла в том, чтобы хотя бы сформулировать постановку главных вопросов в широком смысле. А в последующем проанализировать эту тему уже более детально.

В своем вступительном слове я говорил, что мы ждем инициативы от тех, кто захочет в своих последующих докладах рассказать более подробно об отдельных сегментах институтов развития.

В их число входят банки, инвестиционные фонды, страховые агентства и другие структуры, которые содействуют развитию экономики и поддерживают предпринимательство.

Благодарю в первую очередь докладчиков, а также участников нашего обсуждения.

Каждый из докладчиков прекрасно представил свои материалы. Они на самом деле вызывают много вопросов и дискуссий.

Но в этом и прелесть соответствующего умения так поставить вопрос, чтобы он вызывал интерес и давал пространство для обсуждения.

Конечно, я далек от высоких оценок всех имеющихся у нас институтов развития. Те позитивные примеры, которые я отмечал, мне представляются больше как раз исключением, чем правилом.

К сожалению, есть и другие примеры, которые показывают, что эти институты работают преимущественно на себя.

Руководящие сотрудники некоторых из этих институтов рассказывали мне об этом лично, удивляясь, что у них прекрасные зарплаты, высокий уровень даже среднего персонала. В принципе, их все устраивает.

Но они, делясь откровенно, признавались, что сами не понимают, зачем эти институты нужны. Что они работают в таких институтах просто потому, что есть такая возможность. И почему бы ей не воспользоваться...

В этом смысле актуален вопрос академика Аганбегяна Абела Гезевича: а результаты-то где?

Вот по АИЖК я могу сказать, где результаты. И Александр Николаевич сказал об этом очень четко и емко.

Иван Михайлович по своему профилю тоже вполне может сказать. Другое дело, что инновации, которые он финансировал, до единорогов, которых любит приводить в качестве примера Абел Гезевич, почему-то не доросли.

Но не из-за того, что Фонд Бортника что-то недоделал, а в силу того, что не только от Фонда Бортника зависит результативность инноваций в стране.

Это зависит от многих факторов, на которые обратил внимание Абел Гезевич. От системы управления в целом экономики, науки и всего народнохозяйственного комплекса.

Многое еще нужно сделать, в том числе и в технологическом, в культурологическом, в инфраструктурном, в антикоррупционном плане, чтобы можно было выйти на уровень единорогов.

К сожалению, этого не происходит, потому что многие из институтов живут своей жизнью.

Очень хороший термин предложила коллега – «большие участники». Действительно, потому что большие участники руководствуются как раз совсем другими целями.

По поводу того, может ли рынок все абсолютно сделать сам.

Абел Гезевич, не называя меня, в какой-то степени меня упрекнул.

Поясню.

Я говорил о том, что для решения многих задач недостаточно рынка. Нужно еще, чтобы была государственная поддержка.

Но здесь риторический, мне кажется, спор. Все абсолютно сделать рынок не может, потому что он – часть общества.

А в обществе у государства тоже есть определенное влияние.

Это если говорить совсем в общих терминах.

Очень важно, чтобы была поддержка и государства, и частного сектора, и рынка, и науки, и всей социальной культуры и среды, которая давала бы возможность обществу и экономике развиваться.

Ни один, если можно так назвать, субъект – рынок или отдельно взятый частный капитал, рынок капитала – решить задачу не может, если нет поддержки, если в целом нет взаимодополнения.

Хочу сделать акцент на том, что, безусловно, институты развития, я сейчас говорю в узком смысле, могут играть очень важную роль.

Когда они свою задачу четко формулируют, тогда образуется система управления и контроля за использованием государственных средств, за предоставлением государственных льгот.

И тогда антикоррупционная составляющая работает на высочайшем уровне. До нуля, конечно, не доходит, но этот риск может свестись до минимума.

Кстати, когда Сергей Иванович Шаталов упомянул, что работал в африканских странах, я вспомнил рассказ друга моего отца, который работал в Либерии в конце 70-х и в 80-е годы.

Он рассказывал, что либерийцы – удивительный народ и страна очень интересная. Там премьер-министр публично признавал, что все берут взятки, но наказывал только тех, кто слишком зарвался, например, какого-нибудь министра.

Там даже была такая культура, позволяющая на заседании правительства, не стесняясь, передавать друг другу конверты. Это чуть ли не в прессе проскакивало – кто, кому, сколько передал.

Но тех, кто не знал чувства меры, публично осуждали от занимаемой должности. Это делалось, чтобы другие понимали, что надо быть осмотрительнее и придерживаться того размера взятки, который пусть и негласно, но был установлен как допустимый.

И в печати откровенно обсуждали, какой уровень взяток допустим, а какой уровень уже считается выше допустимого.

Но это Либерия и, может быть, факты немного приукрашены.

Антон Викторович Данилов-Данильян наверняка недоволен, потому что он считает, что примеры неэффективной работы институтов могут в негативном свете показывать институты развития.

Какие-то – да, в негативном. Какие-то – в позитивном. И мы привели несколько достаточно хороших примеров работы институтов.

На этой позитивной ноте, если меня никто не хочет поправить или дополнить, хотел бы завершить наше сегодняшнее заседание.

Спасибо всем участникам и докладчикам. Спасибо Абдусаламу Абдулкеримовичу.

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, НИИ ДДиП
и «Открытых дискуссий» президента АРБ**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.
3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.

8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.
9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 120 с.
12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.
15. 2022-й – «особый». 2023-й – риски и ожидания (31.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 134 с.

16. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.
17. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
18. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
19. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
20. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 185 с.
21. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.
22. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.
23. Молодежь и мошенничество (31.05.2023). Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.

24. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.
25. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 179 с.
26. Турция: вчера, сегодня, завтра (08.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
27. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 150 с.
28. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.
29. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.
30. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.
31. «Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.
32. Институт финансового омбудсмана, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.

33. 2023-й – итоги. 2024-й – перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 136 с.
34. В.И. Вернадский и его наследие (20.01.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 175 с.
35. Генномодифицированные продукты: «за» и «против» (03.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
36. Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с.
37. Проблема общечеловеческих ценностей. Причины ценностных противостояний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
38. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.
39. Малый и средний бизнес (02.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 172 с.
40. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
41. БРИКС: платежные системы (20.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 173 с.

42. Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с.
43. Жилая недвижимость (27.07.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 166 с.
44. Общественный договор (07.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 186 с.
45. Банки и конкуренция: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (19.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 100 с.
46. Жизнь и смерть. Право на эвтаназию и суицид (21.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 221 с.
47. Наука и власть (05.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 206 с.
48. Борьба с кризисом и промышленная политика (19.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 178 с.
49. Философия в современном мире (16.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 218 с.
50. Конкуренция на финансовом рынке (30.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 133 с.

51. Роль институтов в развитии общества (14.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 211 с.
52. Инфляция у каждого своя: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (17.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 108 с.
53. Завершился 2024 год. Что дальше? (31.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 97 с.
54. Что такое Свобода? Свобода воли, свободы личности (15.02.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 210 с.
55. Цивилизационные основы России (часть 2): Качество жизни. Равноправие женщин и мужчин. Русское крестьянство (01.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 178 с.
56. Коррупция в Китае (22.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 143 с.
57. Религия и общество (05.04.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 164 с.
58. Многополярный мир: Россия, США, Китай, Индия, ЕС: влияние на него новой администрации США (31.05.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 167 с.

59. Когнитивная безопасность (12.07.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 144 с.
60. Редактирование генома (25.10.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 178 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru>

Институты развития Их роль в экономике

Материалы заседания
НКС ООН РАН и НИИ ДДиП
26 июля 2025 года

Презентации докладчиков
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru/pubs/>

Подписано в печать 25.08.2026
Формат 60х90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 97

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института – многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.